

А. К. Гоголев

Запрещённый Толстой

(Наследие Л.Н. Толстого поначалу запрещённое, затем обогнанное, ныне неслышимое. Фрагменты. Вёрстка против оригинала изменена)

Источник: <https://tolstoy.ru/creativity/90—volume—collection—of—the—works/?ysclid=ml8p4hdegt267701392>

Предисловие к электронному изданию	1
Христианство и патриотизм, 1894. Том 39 ПСС.....	3
Не убий никого, 1907. Том 37 ПСС	43
История писания и печатания и описание рукописей.....	54
Письмо фельдфебелю, 1898. Том 90 ПСС.....	57
Письмо либералам (А. М. Калмыковой), 1896. Том 69 ПСС	59
Примечания	66
Сноски Толстого:	68
Не убий, 1910. Том 90 ПСС.....	69
Бессмысленные мечтания, 1895. Том 31.....	70
Пора понять, 1909. Том 38 ПСС	77

Предисловие к электронному изданию

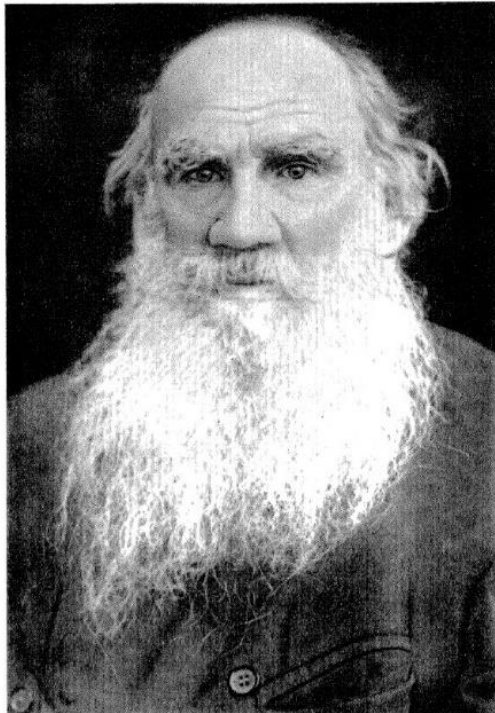
Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна»

вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90—томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»
Фекла Толстая

Л. Н. ТОЛСТОЙ. 1908

Христианство и патриотизм, 1894. Том 39 ПСС

Франко – русские празднества, происходившие в октябре месяце прошлого года во Франции, вызвали во мне, вероятно так же как и во многих людях, сначала чувство комизма, потом недоумения, потом негодования, которые я и хотел выразить в короткой журнальной статье; но, вдумываясь все более и более в главные причины этого странного явления, я пришел к тем соображениям, которые и предлагаю теперь читателям.

Люди русские и французские жили много столетий, зная друг друга, входя иногда в дружеские, большею частью к сожалению, в очень враждебные, вызываемые их правительствами, отношения друг с другом, и вдруг оттого, что два года тому назад французская эскадра прибыла в Кронштадт, и офицеры эскадры, вышедши на берег, в разных местах много ели и пили разного вина, выслушивая при этом и произнося много лживых и глупых слов, и оттого, что в 1893 году такая же русская эскадра прибыла в Тулон, и офицеры русской эскадры в Париже много ели и пили, выслушивая и произнося при этом еще больше лживых и глупых слов, сделалось то что не только те люди, которые ели, пили и говорили, но и все те, которые присутствовали при этом, и все те даже, которые не присутствовали при этом, но только слышали и читали в газетах про это, все эти миллионы людей русских и французских вдруг вообразили себе, что они как-то особенно любят друг друга, т.е. все французы всех русских, и все русские всех французов.

Чувства эти выражались во Франции в прошедшем октябре самым необыкновенным образом.

Вот как описывается встреча русских моряков в «Сельском Вестнике», газете, собирающей свои сведения из всех других.

«При встрече судов русских и французских те и другие, кроме пушечных выстрелов, приветствовали друг друга горячими, восторженными криками "ура", "да здравствует Россия", "да здравствует Франция!"

К этому присоединились хоры музыки (бывшие на многих частных пароходах), исполнявшие гимну — русский "Боже, царя храни" и французский "Марсельезу"; публика на частных судах махала шляпами, флагами, платками и букетами цветов; на многих барках были одни крестьяне и крестьянки со своими детьми, и у всех в руках были букеты цветов, и даже ребята, махая букетами, кричали что было мочи: "вив ля Рюсси". Наши моряки, видя такой восторг народный, не могли удержаться от слез.

В гавани были выстроены в две линии все французские военные суда, находившиеся в Тулоне, и наша эскадра проходила между ними: впереди шел адмиральский броненосец, а за ним остальные. Наступила чрезвычайно торжественная минута. "С русского броненосца последовало пятнадцать пушечных выстрелов в честь французской эскадры, а в ответ французский броненосец дал двойное число выстрелов — тридцать. С французских судов грянули звуки русского гимна. Французские матросы взбираются на реи и мачты; громкие клики приветствий безостановочно льются с обеих эскадр и с частных судов; шапки матросов, шляпы и платки публики — все это восторженно

поднимается кверху в честь дорогих гостей. Отовсюду с воды и с берега гремит один общий возглас: "да здравствует Россия, да здравствует Франция!"

Согласно морскому уставу, адмирал Авелан с офицерами своего штаба высадился на берег, чтобы приветствовать местных властей. На пристани русских моряков встретили французский главный морской штаб и старшие офицеры тулонского порта. Последовали общие дружеские рукопожатия при громе пушек и звоне колоколов. Хор морской музыки исполнил гимн "Боже, царя храни", покрытый громовыми кликами публики: "да здравствует царь!", "да здравствует Россия!" Эти клики слились в один могучий гул, покрывший и музыку и пушечную пальбу.

Очевидцы сообщают, что в эту минуту восторг несметной массы народа достиг высочайшей степени и словами невозможно передать, какими ощущениями переполнились сердца всех здесь присутствующих. Адмирал Авелан с обнаженной головой и в сопровождении русских и французских офицеров, отправился в помещение морского управления, где его ожидал французский морской министр".

Принимая адмирала, министр сказал:

"— Кронштадт и Тулон — это два места, которые свидетельствуют о сочувствии между русским и французским народами; вы будете везде встречены как сердечные друзья. Правительство и вся Франция поздравляют вас с приездом и ваших спутников, представляющих "великий и благородный народ".

Адмирал ответил, что он не в силах выразить всю свою благодарность. "Русская эскадра и вся Россия, — сказал он, — будут признательны за ваш прием". После краткого разговора, прощаясь с министром, адмирал вторично благодарил его за прием и прибавил: "Не хочу с вами расставаться, пока не произнесу тех слов, которые начертаны в сердцах всех русских людей: "да здравствует Франция!"» ("Сельский Вестник", 1893, No 41.)

Такова была встреча в Тулоне; в Париже встреча и празднества были еще удивительнее.

Вот как описывается в газетах встреча в Париже:

«Все взоры направлены на бульвар des Italiens, откуда должны появиться русские моряки. Издали доносится, наконец, гул целого урагана восклицаний и аплодисментов. Гул становится сильнее, явственнее. Ураган видимо приближается. На площади происходит сильнейшее движение. Полицейские бросаются расчищать дорогу к "Cercle militaire", но это оказывается делом далеко не легким. В толпе поднялась невообразимая толкотня и давка... Наконец, на площади появляется голова кортежа. В тот же момент над ней проносится оглушительный крик:

"Vive la Russie! Vive les russes!" (Да здравствует Россия! Да здравствуют русские! "Новое время"). Все обнажают головы, публика, битком набившаяся в окнах, на балконах, разместившаяся даже на крышах, машет платками, флагами, шляпами, ожесточенно аплодирует, бросает из окон верхних этажей облака небольших разноцветных кокард. Целое море платков, шляп, флагов волнуется над головами толпы, стоящей на площади. "Vive la Russie! Vive les russes!" кричит эта

стотысячная толпа, стараясь получше рассмотреть дорогих гостей, протягивая к ним руки и всячески выражая свои симпатии» ("Новое время".)

Другой корреспондент пишет, что восторг толпы граничил с бредом. Один русский публицист, бывший в то время в Париже, описывает это шествие моряков следующим образом:

«Правду говорят — событие всемирное, изумительное, трогательное до слез, поднимающее душу, заставляющее ее трепетать той любовью, которая видит в людях братьев и которая ненавидит кровь и насильственные присоединения, отторжение родных детей от любимой матери. Я в каком-то чаду в течение нескольких часов. Мне было странно, почти непосильно стоять на станции Лионской железной дороги среди представителей французской администрации в золотом шитых мундирах, среди муниципалитета во фраках и слышать крики: "Vive la Russie! Vive le czar!" и наш народный гимн, исполняемый несколько раз сряду. Где я? что такое случилось? какая волшебная струя соединила все это в одно чувство, в один разум? Разве не чувствуется тут присутствие Бога любви и братства, присутствие чего—то высшего, идеального, сходящего на людей только в высокие минуты? Сердце так полно чем—то прекрасным и чистым и возвышенным, что перо не в состоянии всего этого выразить. Слова бледны перед тем, что я видел, что я чувствовал. Это не восторг, слово это слишком банально, — это лучше восторга. Живописнее, глубже, радостнее, разнообразнее. Нельзя описывать того, что было у "Cercle militaire", когда появился на балконе второго этажа адмирал Авелан. Тут слова ничего не скажут. Во время молебна, когда певчие пели в церкви "Спаси, Господи, люди твоя", в открытые двери врывались торжественные звуки "Марсельезы" духового оркестра, который играл на улице. Что—то изумительное по впечатлению, непередаваемое"» ("Новое время". Октябрь 93 г..).

II

Приехавши во Францию, русские моряки в продолжение двух недель переходили с праздника на праздник и в середине или по окончании всякого праздника ели, пили и говорили. И сведения о том, где и что они ели и пили в среду, и где и что в пятницу, и что при этом говорили, по телеграфу сообщалось всей России. Как только который-нибудь из русских капитанов пил за здоровье Франции, так это тотчас становилось известным миру, и как только русский адмирал говорил: "пью за прекрасную Францию!", слова эти тотчас же разносились по всему миру. Но мало того, заботливость газет была такова, что сообщались не только тосты, но и меню обедов с пирожками и закусками, которые потреблялись на обедах.

Так в одном No газеты было сказано, что обед представлял изящное произведение:

Consomme de volailles, petits pates.
Mousse de homard parisienne.
Noisette de boeuf a la bearnaise.
Faisans a la Perigor.
Casseroles de truffes au champagne.
Chaufroid de volailles a la Toulouse.
Salade russe.

Croute de fruits
Parfaits a l 'anas.
Desserts.
(Бульон из дичи, маленькие пирожки.
Мусс из парижских омаров.
Вырезка по—беарнски.
Фазаны a la Перигор.
Салат из трюфелей с шампанским.
Дичь по—тулузски.
Русский салат.
Фрукты по-тулонски.
Ананасное мороженое.
Десерт.)

В следующем No было сказано:

«И в кулинарном отношении обед не оставлял желать ничего лучшего: меню было следующее:

Potage livonien et S.–Germain.
Zephyrs Nantua.
Esturgeon braise moldave.
Selle de daguet grand veneur и т.д.

(Суп ливонский и сент-жерменский. Зефир Нантюа. Вареная осетрина по-молдавски. Грудинка из молодого оленя.)»

В следующей газете описывается опять новое меню. При каждом меню описывались еще подробно и те напитки, которые поглощали все празднующие: такая-то "вудка", такое-то Bourgogne vieux, Grand Moet (Старое бургундское, шампанское Моет.) и т.п. В английской газете было перечисление всех тех пьяных напитков, которые были поглощены во время этих празднеств. Количество это так огромно, что едва ли все пьяницы России и Франции могли бы выпить столько в такое короткое время.

Сообщались и речи, произносимые празднующими, но меню было разнообразнее речей. Речи состояли неизменно из одних и тех же слов в различных сочетаниях и перемещениях. Смысл этих слов был всегда один и тот же: мы нежно любим друг друга, мы в восторге, что мы вдруг так нежно полюбили друг друга. Цель наша не война и не revanche (Реванш.) и не возвращение отнятых провинций, а цель наша только мир, благодеяние мира, обеспечение мира, спокойствие и мир Европу. Да здравствует русский император и императрица, мы любим их и любим мир. Да здравствует президент республики и его супруга, мы тоже любим их и любим мир. Да здравствует Франция, Россия, их флот и их армия. Мы любим и армию, и мир, и начальника эскадры.

Речи большей частью заканчивались, как в куплетах словами: Тулон, Кронштадт или Кронштадт, Тулон. И наименование этих мест, где было так много съедено разных кушаний и выпито разного вина, произносились как слова, напоминающие самые высокие, доблестные поступки представителей обоих народов, такие слова, после произнесения которых уже говорить нечего, потому что все понятно. Мы любим друг друга и любим мир, Кронштадт, Тулон!

Что еще можно прибавить к этому?! особенно под звуки торжественной музыки, играющей одновременно два гимна: один — прославляющий царя и просящий у Бога для него всяких благ, другой — проклинаящий всех царей и обещающий им всем погибель.

Людам, особенно хорошо выражавшим свои чувства любви, давались ордена и награды, некоторым же людям за те же заслуги или просто от избытка чувств, подносились подарки самые странные и неожиданные: так, русскому царю французская эскадра поднесла в подарок какую-то золотую книгу, в которой, кажется, ничего не написано, а если и написано, то нечто такое, чего никому знать не нужно, а начальнику русской эскадры, в числе других подарков, еще более удивительный предмет — соху из алюминия, покрытую цветами, и много других таких же неожиданных подарков.

Кроме того, все эти странные поступки сопровождались еще более странными религиозными обрядами и общественными молитвами, от которых, казалось бы, уже давно отвыкли французы. Едва ли со времен Конкордата было совершено столько общественных молитв, сколько в это короткое время. Все французы стали вдруг необыкновенно набожны и заботливо развешивали в комнатах русских моряков те самые образа, которые они только недавно так же старательно, как вредное орудие суеверия, выносили из своих школ, и не переставая молились. Кардиналы и епископы везде предписывали молитвы и сами молились самыми странными молитвами. Так, епископ в Тулоне, при спуске броненосца "Жоригибери", молился Богу мира, давая чувствовать при этом однако, что если что, то он может обратиться и к Богу войны.

«Какова будет судьба его, — сказал епископ, говоря о спускаемом броненосце, — один Бог только ведает, будет ли он извергать смерть из ужасающих недр своих — неизвестно. Но если бы, призвав ныне Бога мира, нам пришлось впоследствии призвать и Бога брани, мы твердо уповаем, что "Жоригибери" пойдет на врага рука об руку с могучими судами, экипажи коих вступили ныне в столь близкое братское единение с нашими. Но да минует нас эта перспектива, да оставит настоящее празднество только мирное воспоминание, как воспоминание о великом князе Константине (Константин Николаевич был в Тулоне в 1857 г.), которых здесь же присутствовал на спуске корабля "Квиринал", и да сделает дружба Франции с Россией из этих двух наций хранителей мира...»

Между тем десятки тысяч телеграмм перелетали из России во Францию и из Франции в Россию. Французские женщины приветствовали русских женщин. Русские женщины выражали свою благодарность французским женщинам. Труппа русских актеров приветствовала французских актеров, французские актеры сообщали, что они закладывают себе глубоко в сердце приветствие труппы русских актеров. Русские кандидаты на судебные должности, состоящие при окружном суде какого-то города, изъявляли свой восторг французской нации. Генерал такой-то благодарил г-жу такую-то, г-жа такая-то уверяла в своих чувствах к русской нации генерала такого-то; русские дети писали приветственные стихи французским детям, французские дети отвечали стихами и прозой; русский министр просвещения свидетельствовал министру французского просвещения о чувствах внезапной

любви к французам всех подведомственных ему русских детей, ученых и писателей; члены общества покровительства животным свидетельствовали свою горячую привязанность французам; о том же заявляла казанская дума.

Каноник Аррарской епархии заявлял высокопреподобному протопресвитеру русского придворного духовенства, что он может утверждать, что в сердцах всех французских кардиналов и архиепископов глубоко запечатлена любовь к России и к его величеству Александру III и его августейшей фамилии и что французские и русские священники исповедуют почти одну и ту же веру и одинаково чтут пресвятую деву. На что высокопреподобный протопресвитер отвечал, что молитвы французского духовенства за августейшую фамилию радостно отозвались в сердцах всего русского царелюбивого народа и что, так как русский народ также чтит пресвятую деву, то и может рассчитывать на Францию на жизнь и смерть. О том же почти заявляли разные генералы, телеграфисты и торговцы бакалейными товарами. Все кого-то с чем-то поздравляли, кого-то за что-то благодарили. Возбуждение было так велико, что совершались самые необычайные поступки, но никто не замечал их необычайности, а напротив, все одобряли их, восхищались ими и, как будто боясь опоздать, торопились каждый совершить поскорее какой-нибудь такого же рода поступок, чтобы не отстать от прочих. Если слышались высказываемые и даже писанные и печатные против этих беснований протесты, указывающие на неразумность их, то протесты эти скрывались или заглушались. (Так мне известен следующий протест студентов, посланный в Париж, но не принятый ни в одной газете:

«Открытое письмо к французским студентам.

Недавно кучка московских студентов юристов, с инспекцией во главе, взяла на себя смелость говорить от лица всего московского студенчества по поводу тулонских празднеств.

Мы, представители союза землячеств, самым решительным образом протестуем как против самозванства этой кучки, так и по существу против происшедшего между нею и французскими студентами обмена приветствий. Мы тоже смотрим с горячей любовью и глубоким уважением на Францию, но смотрим так на нее потому, что видим в ней великую нацию, которая прежде постоянно являлась для всего мира глашатаем и провозвестником великих идеалов свободы, равенства и братства, которая была первою и в деле отважных попыток воплощения в жизнь этих великих идеалов. и лучшая часть русской молодежи всегда была готова приветствовать Францию как передового воина за лучшее будущее человечества. Но мы не считаем такие празднества, как кронштадтские и тулонские, подходящим поводом для подобных приветствий.

Напротив, эти празднества знаменуют собой печальное, но, надеемся, кратковременное явление, — измену Франции своей прежней великой исторической роли: страна, призывавшая когда-то весь мир разбить оковы деспотизма и предлагавшая свой братскую помощь всякому народу, восставшему за свое освобождение, теперь воскуряет фимиамы перед русским правительством, которое систематично тормозит нормальный, органический и живой рост народной жизни и беспощадно подавляет, не останавливаясь ни перед чем, все стремления русского общества к свету, к свободе и к

самостоятельности. Тулонские манифестации есть один из актов той драмы, которую представляет созданными Наполеоном III и Бисмарком антагонизм между двумя великими нациями — Францией и Германией. Этот антагонизм держит всю Европу под ружьем и делает вершителем политических судеб мира русский абсолютизм, всегда бывший опорой произвола и деспотизма против свободы, эксплуататоров против эксплуатируемых. Чувство боли за свою страну, сожаление о слепоте значительной части французского общества — вот какие чувства вызывают в нас эти празднества. Мы вполне убеждены, что молодое поколение Франции не увлекается национальным шовинизмом и, готовое бороться за тот лучший социальный строй, к которому идет человечество, сумеет отдать себе отчет в настоящих событиях и отнестись к ним надлежащим образом; мы надеемся, что наш горячий протест найдет себе сочувственный отклик в сердцах французской молодежи.)

Союзный совет 24-х объединенных московских землячеств».

Не говоря уже о всех миллионах рабочих дней, потраченных на эти празднества, на повальное пьянство всех участвующих, поощряемое всеми властями, не говоря о бессмысленности произносимых речей, совершались самые безумные и жестокие дела, и никто не обращал на них внимания.

Так, задавлено было до смерти несколько десятков людей, и никто не находил нужным упоминать об этом. Один корреспондент писал, что француз сказал ему на бале, что теперь едва ли найдется одна женщина в Париже, которая не изменила бы своим обязанностям для удовлетворения желания какого-либо русского моряка, и все это проходило незамеченным, как нечто такое, что так и должно быть. Появлялись случаи и ясно выраженного бешенства. Так одна женщина, одевшись в платье из цветов французско-русского флагов, дождалась моряков, воскликнула "Vive la Russie!" и с моста прыгнула в реку и потонула.

Женщины вообще в этих торжествах играли выдающуюся роль и даже руководили мужчинами. Кроме бросания цветов и разных ленточек и поднесения подарков и адресов, французские женщины на улицах бросались на русских моряков и целовали их, некоторые для чего-то подносили им детей, предлагая целовать их; когда русские моряки исполняли это желание, то все присутствующие приходили в восторг и плакали.

Странное возбуждение это было так заразительно, что, как рассказывает один корреспондент, казавшийся совершенно здоровым русский матрос, после двухнедельного созерцания всего совершавшегося вокруг него, — в середине дня прыгнул с корабля в море и поплыл, крича: "виф ля Франс!" Когда его вытащили и спросили, зачем это он сделал, он отвечал, что дал зарок в честь Франции оплыть кругом корабля.

Таким образом, ничем не нарушаемое возбуждение росло и росло, как ком катящегося мокрого снега, и доросло, наконец, до того, что не только присутствующие, не только предрасположенные, слабонервные, но сильные, нормальные люди подпали общему настроению и пришли в ненормальное состояние.

Помню, что я, в рассеянии читая одно из таких описаний торжества приема моряков, вдруг неожиданно почувствовал сообщившееся мне чувство, подобное умилению, даже готовность к слезам, так что должен был сделать усилие, чтобы побороть это чувство.

III

Недавно профессор психиатрии Сикорский описал в Киевских университетских известиях исследованную им, как он называет это, психопатическую эпидемию малеванщины, проявившуюся в некоторых деревнях Васильковского уезда Киевской губернии. Сущность этой эпидемии состояла, по словам г-на Сикорского, в том, что некоторые люди этих деревень под влиянием их руководителя, по фамилии Малеванного, вообразили себе, что в скором времени должен наступить конец мира, и, изменив вследствие этого весь свой образ жизни, стали раздавать свое имущество, наряжаться, сладко есть и пить и перестали работать. Профессор нашел положение этих людей ненормальным. Он говорит:

"Необыкновенное благодущие их переходило часто в экзальтацию, радостное состояние, лишённое внешних мотивов. Они настроены были сентиментально; учтивы до утрировки, говорливы, подвижны, с легко наступающими и столь же легко и бесследно исчезающими слезами радости. Они продавали необходимое, чтобы обзавестись зонтиками, шелковыми платками и т.п. принадлежностями, и к тому же платки служили для них только как туалетное украшение. Они много ели сластей. Настроение их духа всегда было жизнерадостное, и жизнь они вели совершенно праздничную: посещали друг друга, гуляли вместе... При указании им на явно нелепый характер их отказа от работы можно было каждый раз получить в ответ стереотипную фразу: "захочется — буду работать, не захочется — зачем стану себя принуждать?!"

Ученый профессор считает состояние этих людей явно выраженный случай психопатической эпидемии и, советуя правительству принять некоторые меры против распространения ее, заканчивает свое сообщение словами:

"Малеванщина есть вопль заболевшего населения и мольба об освобождении от вина и об улучшении образования и санитарных условий".

Но если малеванщина есть вопль заболевшего населения и мольба об освобождении от вина и от вредных общественных условий, то какой же ужасающий вопль заболевшего населения и какая мольба об избавлении его от вина и от ложных общественных условий есть эта новая болезнь, появившаяся в Париже и с ужасающей быстротой охватившая большую часть городского населения Франции и почти всю правительственную и господскую цивилизованную Россию?

И если признать, что психопатическое страдание малеванщины опасно и что правительство хорошо сделало, последовав совету профессора, устранив руководителей малеванцев за исключением некоторых из них в сумасшедшие дома и монастыри и ссылкой некоторых в отдаленные места, то насколько более опасной должно признать эту вновь появившуюся в Тулоне и Париже и оттуда распространившуюся по всей Франции и России новую эпидемию, и насколько

необходимее, если не правительству, то обществу принять решительные меры против распространения таких эпидемий.

Сходство между тою и другою болезнью полное. То же необыкновенное благодушие, переходящее в беспричинную и радостную экзальтацию, та же сентиментальность, утрированная учтивость, говорливость, те же беспрестанные слезы умиления, приходящие и проходящие без причины, то же праздничное настроение, то же гуляние и посещение друг друга, то же наряжание себя в самые нарядные платья, то же пристрастие к сладкой еде, те же бессмысленные речи, та же праздность, то же пение и музыка, то же руководство женщин и та же для многих клоуническая фаза *attitudes passionells*, которую заметил г-н Сикорский у малеванцев, т.е., как я понимаю это слово, те различные ненатуральные позы, которые принимают люди во время торжественных встреч, приемов и произнесения речей во время обедов.

Сходство совершенное. Разница только в том, и разница огромная для того общества, в котором происходят эти явления, что там это помешательство нескольких десятков мирных, бедных деревенских жителей, живущих своими небольшими средствами и потому не могущих совершить никакого насилия над своими соседями и заражающих других только посредством личной и изустной передачи своего настроения, здесь же — это помешательство миллионов людей, обладающих огромными суммами денег и средствами насилия над другими людьми: ружьями, штыками, крепостями, броненосцами, меленитами, динамитами и, кроме того, имеющими в своем распоряжении самые энергические средства распространения своего помешательства: почту, телеграфы, огромное количество газет и всякого рода изданий, наперерыв печатающих и разносящих их заразу во все концы мира.

Разница ещё в том, что первые не только не напиваются пьяны, но не употребляют никаких хмельных напитков, вторые же находятся постоянно в полупьяном состоянии, которое они не переставая в себе поддерживают. И потому для общества, в котором происходят такие явления, между киевской эпидемией, во время которой, по сведениям г-на Сикорского, не видно, чтобы было совершено какое-либо насилие, убийство, и той, которая появилась в Париже, где при одном шествии задавлено более 20 женщин, разница та же, какая была бы между тем, что из печки выскочил уголек и теплится на полу, который, очевидно, не загорится от него" и огнем, который захватил уже двери и стены дома. В худшем случае последствия киевской эпидемии будут состоять в том, что крестьяне одной миллионной части России проживут то, что они нажили своим трудом, и окажутся несостоятельными для уплаты казенных податей. Последствия же от эпидемии тулонско-парижской, захватившей людей, обладающих страшной властью, огромными суммами денег, орудиями насилия и распространения своего помешательства, могут и должны быть ужасны.

IV

Можно с жалостью выслушивать тот вздор, который болтает слабый, старый, безоружный сумасшедший в своем колпаке и халате, даже и не противоречить и шутя даже потакнуть ему, но когда это целая толпа здоровенных сумасшедших, вырвавшихся из своего заключения, и толпа эта обвешена с головы до ног острыми кинжалами, саблями и заряженными револьверами и в азарте размахивает этими смертоносными орудиями, — нельзя уже не только потакать им, но и быть минуту спокойным. То же и с тем состоянием возбуждения, вызванного франко-русскими празднествами, в котором находится теперь французское и русское общество. Ведь люди, подпавшие теперь психопатической эпидемии, находятся в обладании самых страшных орудий убийства и истребления.

Правда, что во всех речах, во всех тостах, произносимых во время этих празднеств, во всех статьях об этих празднествах неуклонно говорилось о том, что значение всего совершающегося состоит в обеспечении мира. Даже сторонники войны говорили не о ненависти к отторгающим провинции, а о какой-то любви, которая как-то ненавидит.

Но известна хитрость всех людей, одержимых душевными болезнями, и это—то самое упорное повторение того, что мы не хотим войны, а хотим мира, и умалчивание о том, о чем все думают, и составляет самое угрожающее явление.

В своем ответном тосте на обеде в Елисейском дворце русский посол сказал:

«Прежде нежели провозгласить тост, на который отзовутся из самой глубины сердец не только все, находящиеся в этих стенах, но также и с той же силой и все те, чьи сердца вдали и вблизи на всех пунктах великой, прекрасной Франции, равно как и всей России, бьются в настоящую минуту в унисон с нашими, позвольте мне принести вам выражение глубокой нашей благодарности за приветственные слова, обращенные вами к адмиралу, на которого царь возложил поручение отдать кронштадтский визит. При том высоком значении, которым вы пользуетесь, слова ваши характеризуют истинное значение великолепных мирных торжеств, празднуемых с таким замечательным единодушием, лояльностью и чистосердечием».

То же ничем не оправдываемое упоминание о мире находится и в речи французского президента: «Узы любви, связывающие Россию и Францию, — сказал он, — и два года назад скрепленные трогательными манифестациями, которых наш флот был предметом в Кронштадте, с каждым днем становятся теснее, и честный обмен наших дружественных чувств должен вдохновить всех тех, кто принимает к сердцу благоденствия мира, доверия и безопасности» и т.д.

И в той и другой речи совершенно неожиданно и без всякого повода говорится о благоденствиях мира и о мирных торжествах.

То же самое и в телеграммах, которыми обменялись русский император и французский президент. Русский император телеграфирует:

«Au moment ou l'escadre russe quitte la France, il me tient a coeur de vous exprimer combien je suis touche et reconnaissant de l'accueil chaleureux et splendide, que mes marins ont trouve partout sur le sol francais. Les temoignages de vive avec tant

d'eloquence, joindront un nouveau lien a ceux qui unissent les deux pays et contribueront, je l'espere, a l'affermissement de la paix generale, objet de leurs efforts et de leurs vœux les plus constant..." (В тот момент, когда русская эскадра покидает Францию, мне хочется высказать вам, насколько я тронут и благодарен за горячий и блестящий прием, который встретили мои моряки повсюду на французской территории. Выражения живой симпатии, которые проявились еще раз так красноречиво, прибавят еще новые узы к тем, которые соединяют две страны, и послужат, я надеюсь, к укреплению всеобщего мира, цели их постоянных усилий и желаний.)»

Французский президент в ответной телеграмме говорит:

«La depeche don't je remercie votre majeste m'est parvenue au moment ou je quittais Toulon pour rentrer a Paris. Le belle escadre sur laquelle j'ai eu la vive satisfaction se saluer le pavillon russe dans les eaux francaises, l'accueil cordial et spontane que vos braves marins ont rencontre partout en France, affirment une fois de plus avec eclat les sympathies sinceres qui unissent nos deux pays. Ils marquent en meme temps une foi profonde dans l'influence bienfaisante que peuvent exercer ensemble deux grandes nations devouees a la cause de la paix". (Депешу, за которую я благодарю ваше величество, я получил в тот момент, когда я покидал Тулон, чтобы вернуться в Париж. Прекрасная эскадра, на которой я имел удовольствие приветствовать русский флаг в французских водах, дружеский и радужный прием, который ваши храбрые моряки встретили повсюду во Франции, блестяще доказывают еще раз, какая искренняя симпатия соединяет наши две страны. В то же время они вселяют глубокую веру в то благодетельное влияние, которые могут оказать две большие нации, преданные делу мира.)»

Опять в обеих телеграммах ни к селу ни к городу упоминается о мире, не имеющем ничего общего с празднествами моряков.

Нет ни одной речи, ни одной статьи, в которых не говорилось бы о том, что цель всех этих бывших оргий есть мир Европы.

За обедом, который дают представители русской прессы, все говорят о мире. Г-н Зола, который недавно писал о том, что война необходима и даже полезна, и г-н Вогюэ, который не раз печатно высказывал то же, не говорят ни слова о войне, а говорят только о мире. Заседания палат открываются речами о прошедших празднествах, ораторы утверждают, что празднества эти суть объявление мира Европе.

Точно как человек, пришедший в мирное общество и усердно уверяющий при всяком случае присутствующих, что он вовсе не имеет намерения никому выбивать зубы, подбивать глаза и ломать руки, а имеет намерение только мирно провести вечер. «Да никто в этом и не сомневается, — хочется ему сказать. — Если же вы имеете такие гнусные намерения, то по крайней мере не смейте говорить их нам».

Во многих статьяx, писанных о празднествах, даже прямо и наивно высказывается удовольствие о том, что во время празднеств никем не было выражено то, что *tacitu consensu* (По молчаливому соглашению.) решено было скрывать от всех и что только один неосторожный человек, тотчас же убранный полицией, крикнул то, что думали все, а именно "A bas l'Allemangne!" (Долой Германию!).

Так дети иногда так рады, что они скрыли свою шалость, что самая радость эта выдает их.

Да зачем же так радоваться тому, что никто ничего не сказал о войне, если мы точно не думаем о ней?

V

Никто не думает о войне, но только миллиарды тратятся на военные приготовления и миллионы людей находятся под ружьем в России и Франции.

«Но это все делается для обеспечения мира, si vis pacem para bellum. L'empire c'est la paix, la republique c'est la paix " (Если хочешь мира, готовься к войне. Империя — это мир, республика — это мир).

Но если так, то для чего же у нас в России не только во всех журналах и газетах, издаваемых для так называемых образованных людей, выясняются военные выгоды нашего союза с Францией на случай войны с Германией, но и в "Сельском Вестнике", газете, издаваемой русским правительством для народа, внушается этому несчастному, обманываемому правительством народу, что "дружить с Францией и для России тоже полезно и выгодно, потому что если бы паче чаяния упомянутые державы (Германия, Австрия, Италия) решились нарушить мир с Россией, то хотя она и одна с Божьей помощью могла бы постоять за себя, но было бы это нелегко и для успешной борьбы понадобились бы большие жертвы и потери" и т.д. ("Сельский вестник", 1893, No 43.)»

И для чего же во всех французских коллежах преподается история по учебнику, составленному г-м Лависсом, 21 издание 1889 г., в котором значится следующее:

«Depuis que l'insurrection de la Commune a ete vaincue, la France n'a plus ete troublee. Au lendemain de la guerre, elle s'est remise au travail. Elle a paye aux Allemands sans difficultes l'enorme contribuion de guerre de cinq milliards. Mais la France a perdu sa renomée militaire pendant la guerre de 1870. Elle a perdu une partie de son territoire. Plus de quinze cents mille hommes, qui habitaient nos departments du Haut Rhin, du bas Rhin et de la Moselle, et qui etaient de bons francais, ont ete obliges de devenir Allemands. Ils ne sont pas resignes a leur sort. Ils detestent l'Allemagne, ils esperent toujours redevenir Francais. Mais l'Allemagne tient a sa conquete, et c'est un grand pays, don't tous les habitants aiment sincerement leur patrie et don't les soldats sont braves et disciplines. Pour reprendre a l'Allemagne ce qu'elle nous a pris, il faut que nous soyons de bons citoyens et de bons soldats. C'est pour que vous deveniez de bons soldats, que vos maitres vous apprennent l'histoire de la France. L'histoire de la France montre que dans notre pays les fils ont toujours venge les desastres de leurs peres. Les francais du temps de Charles VII ont venge leurs peres vaincus a Crecy, a Poities, a Azincourt... C'est a vous, — enfants de venger vos peres, vaincus a Sedan et a Metz. C'est votre devoir, le grand devoir de votre vie. Vous devez y penser toujours" и т.д. ("После того как было подавлено восстание коммуны, Франция успокоилась. Сейчас же после войны она принялась за работу. Она заплатила немцам без затруднения громадную военную контрибуцию в пять миллиардов. Но Франция потеряла свою военную славу во время войны 1870 года. Она потеряла часть своей территории. Более полутора тысяч человек, которые жили на верховьях и устьях Рейна и Мозеля и которые были настоящими

французами, были вынуждены сделаться немцами. Но они не подчинились своей судьбе. Они ненавидят Германию; они постоянно надеются снова стать французами. Но Германия дорожит своими завоеваниями, и это великая страна, жители которой искренне любят свою родину и солдаты которой храбры и дисциплинированы. Чтобы отнять у Германии то, что она у нас взяла, нам нужно быть хорошими гражданами и хорошими солдатами. Чтобы вы сделались хорошими солдатами, учителя ваши учат вас истории Франции. История Франции показывает, что в нашей стране сыновья всегда мстили на несчастье своих отцов. Французы во времена Карла VII мстили за своих отцов, побежденных при Кресси, Пуатье, Азинкуре... А вам, детям, воспитанным теперь в наших школах, надлежит мстить за ваших отцов, побежденных при Седане и Меце. Это ваша обязанность, громадная обязанность вашей жизни. Вы должны "всегда думать об этом.")

Внизу страницы стоит ряд вопросов, соответствующих параграфам. Вопросы следующие:

“Что утратила Франция при потере части своей территории? Сколько французов сделалось немцами при потере этой территории? Любят ли эти французы Германию? Что должны мы делать для того, чтобы возвратить когда-нибудь отнятое у нас Германией?”... Кроме того, есть еще "Reflexions sur le VII livre ("Размышления о VII книге".), в которых говорится, что "дети Франции должны памятовать о наших поражениях 1870 г.", что "они должны чувствовать на сердце тяжесть этого воспоминания", но что "это воспоминание не должно их обескураживать: оно, напротив, должно возбуждать в них храбрость".

Так что если в официальных речах и говорится с большой настойчивостью о мире, то народу, молодым поколениям, да и вообще всем русским и французам под рукою неуклонно внушается необходимость, законность, выгодность и даже доблесть войны. "

Мы не думаем о войне. Мы только заботимся о мире"».

Хочется спросить: qui, diable, trompe-t-on ici (Кого же, черт возьми, здесь обманывают?) если бы еще нужно было это спрашивать и не было слишком ясно, кто этот несчастный обманутый.

Обманутый этот, все тот же вечно обманутый, глупый рабочий народ, тот самый, который своими мозолистыми руками строил все эти и корабли, и крепости, и арсеналы, и казармы, и пушки, и пароходы, и пристани, и молы, и все эти дворцы, залы и эстрады, и триумфальные арки, и набирал и печатал все эти газеты и книжки, и добыл и привез всех тех фазанов и ортоланов, и устриц, и вина, которые едят и пьют все эти им же вскормленные, воспитанные и содержимые люди, которые, обманывая его, готовят ему самые страшные бедствия; все тот же добрый, глупый народ, который, оскаливая свои здоровые белые зубы, зевал, по—детски наивно радуясь на всяких наряженных адмиралов и президентов, на развешивающиеся над ними флаги и на фейерверки, гремящую музыку, и который не успеет оглянуться, как уже не будет ни адмиралов, ни президентов, ни флагов, ни музыки, а будет только мокрое пустынное поле, холод, голод, тоска, спереди убивающий

неприятель, сзади неотпускающее начальство, кровь, раны, страдания, гниющие трупы и бессмысленная, напрасная смерть.

А люди, такие же, как те, которые теперь празднуют на празднествах в Тулоне и Париже, будут сидеть после доброго обеда, с недопитыми стаканами доброго вина, с сигарою в зубах, в темной суконной палатке и булавками отмечать по карте те места, где надо оставить еще столько-то и столько-то составленного из этого народа пушечного мяса для завладения тем-то и тем-то укреплением и для приобретения такой или другой ленточки или чина.

VI

«Но ничего этого нет и нет никаких воинственных замыслов, — отвечают нам на это. — Есть только то, что два народа, чувствующие взаимную симпатию, друг другу выражают эти чувства. Что тут дурного, что представители дружественной нации были приняты с особенной торжественностью и почетом представителями другой нации? Что тут дурного, даже если и допустить, что союз может иметь значение обороны против угрожающего миру Европы опасного соседа?»

Дурно тут то, что все это ложь, самая очевидная и наглая, ничем не оправдываемая, злая ложь. Ложь — эта внезапно возникшая, исключительная любовь русских к французам и французов к русским; и ложь — наша подразумеваемая под этим нелюбовь к немцам, недоверие к ним. И еще большая ложь — то, что цель всех этих неприличных и безумных оргий есть будто бы соблюдение европейского мира.

Все мы знаем, что никакой особенной любви к французам мы не испытывали ни прежде, ни теперь не испытываем, точно так же, как и то, что мы не испытывали и не испытываем никакой враждебности к немцам.

Нам говорят, что Германия имеет замыслы против России, что тройственный союз угрожает миру Европы и нам и что наш союз с Францией уравнивает силы и потому обеспечивает мир. Но ведь утверждение это так явно глупо, что совестно серьезно опровергать его. Ведь для того, чтобы это было так, т.е. чтобы союз обеспечивал мир, нужно, чтобы силы были математически равны. Если же перевес теперь на стороне франко-русского союза, то опасность все та же. Еще большая: потому что, если было опасно, что Вильгельм, стоящий во главе европейского союза, нарушит мир, то гораздо более опасно, что Франция, та, которая не может помириться с потерей своих провинций, сделает это. Ведь тройственный союз назывался лигой мира, для нас же он бил лигой войны. Точно так же и теперь франко-русский союз не может не представляться иначе, чем он и есть на самом деле — лигой войны.

И потом, если мир зависит от равновесия сил, то как определить те единицы, между которыми должно установиться равновесие? Теперь англичане говорят, что союз России с Францией угрожает им, и им потому нужно составлять новый союз. И насколько именно единиц союзов должна быть разделена Европа, чтобы было равновесие? Ведь если это так, то в каждом обществе людей более сильный

человек, чем другой, уже есть опасность, и остальным нужно складываться в союзы, чтобы противодействовать ему.

Спрашивают: «Что тут дурного, что Франция и Россия выразили свои взаимные симпатии для обеспечения мира?» — Дурно то, что это ложь, а ложь никогда не говорится и не проходит даром.

Дьявол — человекоубийца и отец лжи. И ложь всегда ведет к человекоубийству. И в этом случае очевиднее, чем когда-нибудь.

Ведь точно так же, как и теперь, так и перед турецкой войной будто бы возгорелась вдруг внезапная любовь наших русских к каким-то братьям славянам, которых никто не знал в продолжение сотен лет, тогда как немцы, французы, англичане всегда были и продолжают быть нам несравненно ближе и роднее, чем какие—то черногорцы, сербы, болгары. И начались такие же восторги, приемы и торжества, раздувавшиеся Аксаковыми и Катковыми, которых поминают уже теперь в Париже, как образцы патриотизма. Тогда, как и теперь, говорили только о взаимной внезапно вспыхнувшей любви между русскими и славянами. Сначала точно так же, как теперь в Париже, тогда в Москве пили, ели, говорили друг другу глупости, умилялись на свои возвышенные чувства, говорили об единении и мире и умалчивали о главном, о замыслах против Турции. Газеты раздували возбуждение; в игру понемногу вступало правительство. Поднялась Сербия. Начались дипломатические ноты, полуофициальные статьи; газеты все более и более лгали, выдумывали, горячились, и кончилось тем, что Александр II, действительно не желавший войны, не мог не согласиться на нее, и совершилось то, что мы знаем: гибель сотен тысяч невинных людей и озверение и одурение миллионов. То, что делалось в Тулоне и Париже и теперь продолжает делаться в газетах, очевидно ведет к такому же или еще ужаснейшему бедствию. Точно так же сначала будут под звуки "Боже, царя храни" и "Марсельезы" пить разные генералы и министры за Францию, Россию, за разные полки, армии и флоты; будут печатать свое лганье газеты, будет праздная толпа богатых людей, не знающих, куда девать свои силы и время, болтать патриотические речи, раздувая враждебность к Германии, и как бы ни был миролюбив Александр III, сложатся такие обстоятельства, что ему нельзя будет отказаться от войны, которой будут требовать все окружающие его, все газеты и, как это всегда кажется, общественное мнение всего народа. И не успеем мы оглянуться, как на столбцах газет появится обычное злое, нелепое провозглашение:

«Божьей милостью, мы, самодержавнейший, великий государь всея России, царь польский, великий князь финляндский и проч. и проч., объявляем всем нашим верным подданным, что для блага этих, вверенных нам Богом, любезных наших подданных, мы сочли своей обязанностью перед Богом послать их на убийство. С нами Бог» и т.п.

Зазвонят в колокола, оденутся в золотые мешки долговолосые люди и начнут молиться за убийство. И начнется опять старое, давно известное, ужасное дело. Засуетятся, разжигающие людей под видом патриотизма и ненависти к убийству, газетчики, радуясь тому, что получают двойной доход. Засуетятся радостно

заводчики, купцы, поставщики военных припасов, ожидая двойных барышей. Засуетятся всякого рода чиновники, предвидя возможность украсть больше, чем они крадут обыкновенно. Засуетятся военные начальства, получающие двойное жалованье и рационы и надеющиеся получить за убийство людей различные высокоценимые ими побрякушки — ленты, кресты, галуны, звезды. Засуетятся праздные господа и дамы, вперед записываясь в Красный Крест, готовясь перевязывать тех, которых будут убивать их же мужья и братья, и воображая, что они делают этим самое христианское дело.

И, заглушая в своей душе отчаяние песнями, развратом и водкой, побредут оторванные от мирного труда, от своих жен, матерей, детей — люди, сотни тысяч простых, добрых людей с орудиями убийства в руках туда, куда их погонят. Будут ходить, зябнуть, голодать, болеть, умирать от болезней, и, наконец, придут к тому месту, где их начнут убивать тысячами, и они будут убивать тысячами, сами на зная зачем людей, которых они никогда не видали, которые им ничего не сделали и не могут сделать дурного.

И когда. наберется столько больных, раненых и убитых, что некому будет уже подбирать их, и когда воздух уже так заразится этим гниющим пушечным мясом, что неприятно делается даже и начальству, тогда останутся на время, кое—как подберут раненых, свезут, свалят кучами куда попало больных, а убитых зароят, посыпав их известкой, и опять поведут всю толпу обманутых еще дальше, и будут водить их так до тех пор, пока это не надоест тем, которые затеяли все это, или пока те, которым это было нужно, не получат всего того, что им было нужно. И опять одичают, остервеенеют, озвереют люди, и уменьшится в мире любовь, и наступившее уже охристианение человечества отодвинется опять на десятки, сотни лет. И опять те люди, которым это выгодно, с уверенностью станут говорить, что если была война, то это значит то, что она необходима, и опять станут готовить к этому будущие поколения, с детства развращая их.

VII

И потому, когда являются такие патриотические проявления, как тулонские празднества, хотя и издавна как будто, но уже вперед связывающие волю людей и обязывающие их к тем обычным злодействам, которые всегда вытекают из патриотизма, всякий понимающий значение этих празднеств не может не протестовать против всего того, что молчаливо включено в них. И потому когда господа журналисты печатают, что все русские сочувствуют тому, что делалось в Кронштадте, Тулоне и Париже, что этот союз на жизнь и смерть закреплен волею всего народа, и когда русский министр просвещения уверяет французских министров, что вся его команда — русские дети, ученые и писатели разделяют его чувства, или когда начальник русской эскадры уверяет французов, что вся Россия будет признательна им за их прием, и когда протопресвитеры отвечают за своих пасомых и уверяют, что молитвы французов за жизнь августейшего дома радостно отозвались в сердцах русского царелюбивого народа, и когда русский посланник в Париже, считающийся представителем русского народа, говорит после блюда

ortolans a la soubise et logopedes glacees с бокалом шампанского grand Moet в руке, что все русские сердца бьются в унисон с его сердцем, преисполненным внезапной и исключительной любовью к прекрасной Франции (la belle France), то мы, свободные от одурения люди, считаем своей священной обязанностью не только за себя, но и за десятки миллионов русских людей, самым решительным образом протестовать против этого и заявить, что сердца наши не бьются в унисон с сердцами г—д журналистов, министров просвещения, начальников эскадр, протопресвитеров и послов, и, напротив, переполняются негодованием и омерзением к той вредной лжи и тому злу, которые они сознательно или бессознательно распространяют своими поступками и речами. Пускай они пьют Moet, сколько им угодно, и пишут статьи и произносят речи от себя и за себя, но мы, все христиане, сознающие себя таковыми, не можем допустить того, что все то, что говорят и пишут эти люди, связывает нас. Не можем допустить этого потому, что мы знаем, что кроется под всеми этими пьяными восторгами, речами и объятиями, похожими не на закрепление мира, как уверяют нас, а скорее на те оргии и пьянства, которым предаются злоумышленники, готовясь на совместное преступление.

VIII

Года четыре тому назад, — первая ласточка тулонской весны — один известный французский агитатор в пользу войны с Германией приезжал в Россию для приготовления франко-русского союза и был у нас в деревне. Он приехал к нам в то время, как мы работали на покосе. Во время завтрака мы, вернувшись домой, познакомились с гостем, и он тотчас же рассказал нам, как он воевал, был в плену, бежал из него и как дал себе патриотический обет, которым он, очевидно, гордился: не перестать агитировать для войны против Германии до тех пор пока не восстановится целостность и слава Франции.

В нашем кругу все убеждения нашего гостя о том, как необходим союз России с Францией для восстановления прежних границ Франции и ее могущества и славы и для обеспечения нас от зловредных замыслов Германии, не имели успеха. На доводы его о том, что Франция не может успокоиться до тех пор, пока не вернет отнятых провинций, мы отвечали, что точно так же Пруссия не может успокоиться, пока не отплатила за Иену и что, если revanche французов теперь будет удачная, немцам надо будет опять отплачивать, и так без конца.

На доводы его, что французы обязаны спасти оторванных от себя братьев, мы отвечали, что положение жителей, большинства жителей, рабочих жители Эльзас—Лотарингии под властью Германии едва ли в чем-нибудь стало хуже того, в котором они были под властью Франции, и что из-за того, что некоторым эльзасцам приятнее числиться за Францией, чем за Германией. и из-за того, что ему, нашему гостю, желательно восстановить славу французского оружия, никак не стоит не только начинать тех страшных бедствий, которые произойдут от войны, но нельзя пожертвовать даже и одной человеческой жизнью.

На доводы же его о том, что хорошо нам говорить так, когда мы не испытали того же, но что мы заговорили бы иначе, если бы у нас отняты были Остзейские

провинции, Польша, мы отвечали: что, даже с точки зрения государственной, отнятие у нас Польши, Остзейских провинций никак не может быть для нас бедствием, а скорее может считаться благом, так как оно уменьшило бы потребность военной силы и государственных расходов; с точки же зрения христианской мы ни в каком случае не можем допустить войны, так как война требует убийства людей, а христианство не только запрещает всякое убийство, но требует благотворения всем людям, считая всех братьями без различия народностей. Христианское государство, говорили мы, вступающее в войну, для того, чтобы быть последовательным, должно не только снять кресты с церкви, самые церкви обратить в помещения для других целей, духовенству дать другие должности и, главное, запретить евангелие, — но должно отречься и от всех тех требований нравственности, которые вытекают из христианского закона. *C'est a prendre ou a laisser* (Это можно сделать только так.), говорили мы. До тех же пор, пока не будет уничтожено христианство, привлекать людей к войне можно будет только хитростью и обманом, как это и делается теперь. Мы же видим эту хитрость и обман и потому не можем поддаться им. Так как при этом не было музыки, шампанского, ничего одурманивающего нас, то наш гость только пожимал плечами и с свойственной французам любезностью говорил, что он очень благодарен за тот радушный прием, который он получил в нашем доме, но очень сожалеет о том, что мысли его не получили того же.

IX

После этой беседы мы пошли на покос, и там он, надеясь найти в народе больше сочувствия своим мыслям, попросил меня перевести старому уже, болезненному, с огромной грыжей и все—таки затаянному в труде мужику, нашему товарищу по работе, крестьянину Прокофию, свой план воздействия на немцев, состоящий в том, чтобы с двух сторон сжать находящегося между русскими и французами немца. Француз в лицах представил это Прокофию, своими белыми пальцами прикасаясь с обеих сторон к потной посконной рубахе Прокофия. Помню добродушно насмешливое удивление Прокофия, когда я объяснил ему слова и жест француза. Предложение о сжатии немца с двух сторон Прокофий, очевидно, принял за шутку, не допуская мысли о том, чтобы взрослый и ученый человек мог с спокойным духом и в трезвом состоянии говорить о том, чтобы желательно было воевать.

— Что же, как мы его с обеих сторон зажмем, — сказал он, отвечая шуткой, как он думал, на шутку, — ему и податься некуда будет, надо ему тоже простор дать.

Я перевел этот ответ своему гостю.

— *Dites lui que nous aimons les Russes* (Скажите ему, что мы любим русских.), — сказал он. Слова эти поразили Прокофию, очевидно, еще более, чем предложение о сжатии немца, и вызвали некоторое чувство подозрения.

— Чей же он будет? — спросил меня Прокофий, с недоверием указывая головой на моего гостя. Я сказал, что он француз, богатый человек.

— Что же он, по какому делу? — спросил Прокофий. Когда я ему объяснил, что он приехал для того, чтобы вызвать русских на союз с Францией в случае войны с немцами, Прокофий, очевидно, остался вполне недоволен и, обратившись к бабам, сидевшим у копны, строгим голосом, неволью выражавшим чувства, вызванные в нем этим разговором, крикнул на них, чтобы они заходили сгребать в копны недогребенное сено.

— Ну, вы, вороны, задремали. Заходи. Пора тут немца жать. Вон еще покос не убрали, а похоже, что с середины жать пойдут, — сказал он, и потом, как будто боясь оскорбить таким замечанием приезжего чужого человека, он прибавил, оскаливая в добрую улыбку свои до половины съеденные зубы: — Приходи лучше с нами работать, да и немца присылай. А отработаемся — гулять будем. И немца возьмем. Такие же люди. — И, сказав это, Прокофий вынул свою жилистую руку из развилки, на которые он опирался, вскинул их на плечи и пошел к бабам.

— Oh, le brave homme! (О, добрый человек!)— воскликнул, смеясь, учтивый француз. И на этом закончил тогда свою дипломатическую миссию к русскому народу.

Вид этих двух столь противоположных друг другу людей — сияющего свежестью, бодростью, элегантностью, хорошо упитанного француза в цилиндре и длинном, тогда самом модном пальто, своими нерабочими белыми руками энергически показывающего в лицах, как надо сжать немца, — и вид шершавого, с трухой в волосах, высохшего от работы, загорелого, всегда усталого и, несмотря на свою огромную грыжу, всегда работающего Прокофия с своими распухшими от работы пальцами, в его спущенных домашних портках, разбитых лаптях, шагающего с огромной навалиной сена на плече той не ленивой, но экономной на движения походкой, которой движется всегда рабочий человек, — вид этих двух столь противоположных друг другу людей очень многое уяснил мне тогда и живо вспомнился мне теперь, после тулоно-парижских празднеств. Один из них олицетворял собой всех тех вскормленных и обеспеченных трудами народа людей, которые употребляют потом этот народ как пушечное мясо; Прокофий же — то самое пушечное мясо, которое вскармливает и обеспечивает тех людей, которые им распоряжаются.

Х

«Но у французов отняты две провинции, отторгнуты дети от любимой матери. Но Россия не может потерпеть того, чтобы Германия предписывала ей законы и лишала ее исторического призвания на Востоке, — не может допустить возможности отнятия у нее, как у французов, ее провинций: Остзейского края, Польши, Кавказа. Но Германия не может допустить возможности потери тех преимуществ, которые она приобрела такими жертвами. Но Англия не может никому уступить своего морского преобладания». И, сказав такие слова, обыкновенно, предполагается, что француз, и русский, и немец, и англичанин должны быть готовы жертвовать всем для возвращения отнятых провинций, утверждения своего влияния на Востоке, соблюдения своего единства и могущества, владычества над морями и т.п.

Предполагается, что чувство патриотизма есть, во-первых, — чувство, всегда свойственное всем людям, а, во-вторых, — такое высокое нравственное чувство, что, при отсутствии его, должно быть возбуждаемо в тех, которые не имеют его. Но ведь ни то, ни другое несправедливо. Я прожил полвека среди русского народа и в большой массе настоящего русского народа в продолжение всего этого времени ни разу не видал и не слышал проявления или выражения этого чувства патриотизма, если не считать тех заученных на солдатской службе или повторяемых из книг патриотических фраз самыми легкомысленными и испорченными людьми народа. Я никогда не слышал от народа выражений чувств патриотизма, но, напротив, беспрестанно от самых серьезных, почтенных людей народа слышал выражения совершенного равнодушия и даже презрения ко всякого рода проявлениям патриотизма. То же самое я наблюдал и в рабочем народе других государств, и то же подтверждали мне не раз образованные французы, немцы и англичане о своем рабочем народе.

Рабочий народ слишком занят поглощающим все его внимание делом поддержания жизни, себя и своей семьи, чтобы он мог интересоваться теми политическими вопросами, которые представляются главным мотивом патриотизма: вопросы влияния России на Восток, об единстве Германии, или возвращении Франции отнятых провинций, или уступки той или другой части одного государства другому и т.п. не интересуют его не только потому, что он никогда почти не знает тех условий, при которых возникают эти вопросы, но и потому, что интересы его жизни совершенно независимы от государственных, политических интересов. Человеку из народа всегда совершенно все равно, где проведут какую границу и кому будет принадлежать Константинополь, будет или не будет Саксония или Брауншвейг членом Германского союза, и будет ли Англии принадлежать Австралия или земля Мателло, и даже какому правительству ему придется платить подать и в чье войско отдавать своих сынов; но ему всегда очень важно знать, сколько ему придется платить податей, долго ли служить в военной службе, долго ли платить за землю и много ли получать за работу — все вопросы совершенно независимые от общих государственных, политических интересов. Оттого-то и происходит то, что, несмотря на все усиленные средства, употребляемые правительствами для привития народам не свойственного им патриотизма и подавления в народах развивающихся в них идей социализма, — социализм все более и более проникает в народные массы, а патриотизм, так старательно прививаемых правительствами, не только не усваивается народом, но все более и более исчезает и держится только в высших классах, которым он выгоден. Если же и бывает, что патриотизм захватывает иногда народную толпу, как это было теперь в Париже, то это бывает только тогда, когда толпа эта подвергается усиленному гипнотическому воздействию правительств и правящих классов, и держится патриотизм в народе только до тех пор, пока продолжается это воздействие.

Так, например, в России, где патриотизм в виде любви и преданности к вере, царю и отечеству с необыкновенной напряженностью всеми находящимися в руках правительства орудиями: церкви, школы, печати и всякой торжественности, прививается народу, русский рабочий человек — сто миллионов русского народа,

несмотря на ту незаслуженную репутацию, которую ему сделали, народа особенно преданного своей вере, царю и отечеству, есть народ самый свободный от обмана патриотизма и от преданности вере, царю и отечеству.

Веры своей, той православной, государственной, которой он будто бы так предан, он большей частью не знает, а как только узнает, бросает её и становится рационалистом, т.е. принимает такую веру, на которую нападать и которую защищать нельзя; к царю своему, несмотря на непрестанные, усиленные внушения в этом направлении, он относится как ко всем насильственным властям, если не с осуждением, то с совершенным равнодушием; отечества же своего, если не разумеет под этим свою деревню, волость, он или совершенно не знает, или, если знает, то не делает между ним и другими государствами никакого различия. Так что, как прежде русские переселенцы шли в Австрию, в Турцию, так и теперь они селятся совершенно безразлично в России, вне России, в Турции или в Китае.

XI

Мой старый друг Д., живя зимой один в деревне, в то время как жена его, которую он изредка навещал там, жила в Париже, по длинным осенним вечерам часто беседовал с безграмотным, но очень умным и почтенным мужиком старостой, приходившим по вечерам с докладом, и приятель мой рассказывал ему между прочим и о преимуществах французского государственного порядка перед нашим. Это было накануне последнего польского восстания и вмешательства французского правительства в наши дела. Патриотические русские газеты тогда возгорелись негодованием к такому вмешательству, так разожгли правящие классы, что положение было очень напряженное, и у нас заговорили о войне с Францией.

Приятель мой, начитавшись газет, рассказал старосте и про эти отношения между Россией и Францией. Подчиняясь настроению газет, приятель мой говорил, что если будет война (он был старый военный), он пойдет на службу и будет воевать с Францией. Тогда *revanche* французам казалась нужной патриотическим русским за Севастополь.

— Зачем же нам воевать? — спросил староста.

— Да как же позволить Франции распоряжаться у нас.

— Да ведь вы сами говорите, что у них лучше нашего устроено, — сказал староста совершенно серьезно. — Пускай бы они так и у нас устроили.

И приятель мой рассказывал мне, что рассуждение это так поразило его, что он решительно не знал, что ответить, и только засмеялся, как смеются люди, проснувшись от обманчивого сна.

Такие же суждения можно услышать от всякого трезвого русского рабочего человека, если только он не находится под гипнотическим влиянием правительства. Говорят о любви русского народа к своей вере, царю и отечеству, а между тем не найдется в России ни одного общества крестьян, которое бы на минуту задумалось о том, что ему выбрать из двух предстоящих мест поселения: одно в России с русским батюшкой—царем, как это пишется в книжках, и святой верой православной в своем

обожаемом отечестве, но с меньшей и худшей землей, или без батюшки белого царя и без православной веры где-либо вне России, в Пруссии, Китае, Турции, Австрии, но с несколько большими и лучшими угодьями, что мы и видели прежде и видим и теперь. Для всякого русского крестьянина вопрос о том, под чьим они будут правительством (так как он знает, что, под чьим бы он ни был, одинаково будут обирать его), имеет несравненно меньше значения, чем вопрос — не скажу уже: хороша ли вода, но — мягка ли глина и хорошо ли родится капуста.

Но можно подумать, что равнодушие русских происходит от того, что всякое правительство, под власть которого они перейдут, будет наверно лучше русского, потому что в Европе нет ни одного хуже его; но это не так: сколько мне известно, то же самое мы видели на переселенцах англичанах, голландцах, немцах, переселяющихся в Америку, всяких других народностях, переселяющихся в Россию. Переходы европейских народов из-под власти одного правительства под власть другого: из-под турецкого под австрийское или из-под французского под германское, так мало изменяют положение народа, что ни в каком случае не могут вызвать никакого недовольства в рабочем народе, если он только не будет искусственно подчинен внушениям правительств и правящих классов.

XII

Обыкновенно в доказательство существования патриотизма приводят проявления патриотических чувств в народе во время различных торжеств, как, например, в России во время коронации или встречи царя после крушения 17 октября, или во Франции во время объявления войны Пруссии, или в Германии во время торжеств победы, или во время франко-русских празднеств.

Но ведь надо знать, как готовятся эти манифестации. В России, например, при каждом проезде государя наряжаются от крестьянских обществ и с фабрик люди для встреч и приветствий царя. Восторги толпы большей частью искусственно приготавливаются теми, кому они нужны, и степень восторга выражаемая толпой, показывает только степень искусства учредителей этих восторгов. Дело это практикуется давно, и потому специалисты учредители этих восторгов дошли в приготовлениях их до высокой виртуозности. Когда Александр II был еще наследником и командовал, как это обыкновенно делается, Преображенским полком, он раз после обеда приехал в полк, стоящий в лагере. Только что показалась его коляска, солдаты, как были в одних рубахах, выбежали ему навстречу и с таким восторгом встретили, как это пишется, своего августейшего командира, что все взапуски бежали за коляской и многие из них на бегу крестились, глядя на наследника. Все те, кто видели эту встречу, были умилены этой наивной преданностью и любовью русского солдата к царю и его наследнику и тем непритворным религиозным и очевидно неподготовленным восторгом, который выражался в лицах, в движениях и в особенности в крестных знамениях солдат. А между тем все это было сделано искусственно и приготовлено следующим образом: после смотра накануне наследник сказал бригадному командиру, что он заедет завтра.

— Когда ожидать ваше императорское величество?

— Должно быть, вечером. Только, пожалуйста, чтобы не было приготовлений. Как только наследник уехал, бригадный командир созвал ротных командиров и распорядился, чтобы на завтрашний день все солдаты были в чистых рубашках, и как только завидят коляску наследника, которую должны были ждать махальные, чтобы все бежали, как попало, навстречу и с криками "ура" бежали бы за коляской, при этом, чтобы каждый десятый человек в роте бежал и крестился. Фельдфебеля выстроили роты и, считая по одному, останавливались на десятом: «раз, два, три... восемь, девять, десять, Сидоренко крестится; раз, два, три, четыре... Иванов крестится...» И все было исполнено по приказанию, и впечатление восторга произведено было полное и на наследника, и на всех присутствующих, и даже на солдат и офицеров, и даже на бригадного командира, который сам все это выдумал. Точно так же, хотя менее грубо, делается это и везде, где есть патриотические манифестации. Так, франко-русские празднества, которые представляются нам как произвольные выражения чувства народа, произошли не сами собой, а были, напротив, очень искусственно и довольно видно подготовлены и вызваны французским правительством.

«Как только стал известен приезд русских моряков, так тотчас же, — я цитирую опять из того же "Сельского Вестника", правительственного органа, собирающего свои сведения из всех других газет, — не только во всех больших и малых городах, лежащих на довольно длинном пути между Тулоном и Парижем, но и во множестве городов и селений, лежащих совсем в стороне на далеком расстоянии, — начали составляться комитеты для устройства празднеств. Открылся повсюду сбор пожертвований на расходы по этим празднествам. Многие города посылали депутации в Париж к нашему императорскому послу с просьбами, чтобы русские моряки посетили эти города хоть на один день, даже хоть на один час. Городские управления всех тех городов, в которых указано побывать нашим морякам, назначили огромные суммы, более чем по 100 тысяч рублей на устройство различных празднеств и увеселений, и изъявили готовность израсходовать на это еще большие суммы, сколько потребуется, лишь бы встреча и празднества вышли как можно великолепно.

В самом Париже, кроме суммы на этот предмет, отпущенной от городского управления, еще собрана большая сумма по частной подписке частным комитетом тоже на устройство увеселений, и французское правительство ассигновало более 100 тысяч рублей для чествования русских гостей министрами и другими властями. Во многих городах, где наши моряки вовсе не покажутся, все-таки решено устроить 1-го октября разные празднества в честь России. Множество городов и провинций решили послать в Тулон или Париж особые депутации приветствовать русских гостей и поднести им подарки на память о Франции или послать им приветственные адреса и телеграммы. Решено повсюду день 1-го октября считать народным праздником и воспитанников учебных заведений освободить от учения на этот день, а в Париже на два дня. Штрафным нижним чинам решено простить их провинности, чтобы они с благодарностью вспоминали радостный день для Франции — день 1-го октября.

Для облегчения желающим из публики посетить Тулон и участвовать в встрече русской эскадры, железные дороги понизили плату наполовину и снаряжали особые поезда не в очередь.»

И вот когда целым рядом повсеместных одновременных мер, которые, благодаря находящейся в его руках власти, всегда может принять правительство, некоторая часть народа, преимущественно пена народная, городская толпа, приведена в ненормально-возбужденное состояние, говорят: смотрите, это произвольное выражение воли всего народа. Такие манифестации, как те, которые происходили теперь в Тулоне и Париже, которые происходят в Германии при встрече императора или Бисмарка, или при маневрах в Лотарингии и постоянно повторяющиеся в России при всяких торжественно обставленных встречах, доказывают только то, что средства искусственного возбуждения народа, находящиеся теперь в руках правительств и правящих классов, так могущественны, что правительства и правящие классы, обладающие ими, всегда могут по произволу вызвать какую они хотят патриотическую манифестацию проявлением патриотических чувств народа. Ничто, напротив, не доказывает с такой очевидностью отсутствие патриотизма в народах, как именно те напряженные усилия, которые употребляются теперь правительствами и правящими классами для искусственного возбуждения его, и те малые результаты, которые получаются, несмотря на все эти усилия.

Если патриотические чувства так свойственны народам, то оставили бы их свободно проявляться, а не возбуждали бы их всеми возможными и постоянными и исключительными искусственными средствами. Пусть бы хоть на время, на год, перестали бы в России, как это делают теперь, при вступлении всякого царя во власть, заставляя весь народ присягать ему, перестали бы при всякой церковной службе по несколько раз торжественно произносить обычные молитвы за царя, перестали бы праздновать с колокольным звоном, иллюминацией и запретами работать дни его рождения и именин, перестанут вывешивать и выставлять везде его изображения, перестали бы в молитвенниках, календарях учебниках печатать огромными буквами Имя его и семьи и даже местоимения, относящиеся к ним; перестали бы в особых книжках и газетах только для этого назначенных, возвеличивать его; перестали бы судить и сажать в тюрьмы за малейшее неуважительное слово, сказанное о царе, — перестали бы хоть на время это делать, и тогда мы увидали бы, насколько свойственно народу, настоящему рабочему народу, Прокофию, старосте Ивану и всем людям русского народа, как в этом уверяют народ и уверенны все иностранцы, обожать царя, который тем или другим способом отдает их в руки помещика и вообще богатых. Так это в России, но пусть точно так же перестанут в Германии, Франции, Италии, Англии, Америке делать все то, что точно так же напряженно делается и там правящими классами для возбуждения патриотизма и преданности и покорности существующему правительству, и тогда мы увидали бы, насколько свойствен этот воображаемый патриотизм народам нашего времени.

А то с детства всеми возможными средствами — школьными учебниками, церковными службами, проповедями, речами, книгами, газетами, стихами, памятниками — все в одном и том же направлении одурят народ, потом соберут

насильно или подкупом несколько тысяч народа и, когда эти собравшиеся тысячи, к которым пристанут еще все зеваки, которые всегда рады присутствовать при всяком зрелище, и когда вся эта толпа при звуках стрельбы из пушек, музыки и при виде всякого блеска и света начнет кричать то, что прокричат перед ней, нам говорят, что это выражение чувств всего народа. Но,

- во 1-х, эти тысячи, ну, много, десятки тысяч людей, которые кричат что-то при таких торжествах, составляют только одну крошечную, десятитысячную часть всего народа;
- во 2-х, из этих десятков тысяч кричащих и махающих шапками людей, большая половина, если не согнана насильно, как у нас в России, то искусственно вызвана какой-нибудь приманкой;
- в 3-х, из всех этих тысяч едва ли есть десятки, которые знают, в чем дело, и точно так же кричали бы и махали шапками, если бы происходило совершенно противное тому, что происходит;
- в 4-х, тут же присутствует полиция, которая сейчас же заставит замолчать и заберет всех тех, которые закричат не то, чего хочет и требует правительство, как это усиленно делалось во время франко-русских празднеств.

Во Франции одинаково восторженно приветствовали войну с Россией при Наполеоне I, и потом Александра I, того, против кого велась война, и потом опять Наполеона, и опять союзников, и Бурбона, и Орлеана, и республику, и Наполеона III, и Буланже; а в России одинаково восторженно приветствуют нынче Петра, завтра Екатерину, послезавтра Павла, Александра, Константина, Николая, герцога Лейхтенбергского. братьев славян, прусского короля и француз их моряков и всех тех, кого начальство захочет приветствовать. Точно то же самое происходит в Англии, Америке, Германии, Италии.

То, что называется патриотизмом в наше время, есть только, с одной стороны, известное настроение, постоянно производимое и поддерживаемое в народах школой, религией, подкупной прессой в нужном для правительства направлении, с другой — временное, производимое впечатление низших по нравственному и умственному даже уровню людей народа, которое выдается потом за постоянное выражение воли всего народа. Патриотизм угнетенных народностей не составляет из этого исключения. Он точно так же несвойствен рабочим массам, а искусственно прививается им высшими классами.

XIII

«Но если люди народа не испытывают чувства патриотизма, то это происходит оттого, что они не доросли еще до этого высокого и свойственного всякому образованному человеку чувства. Если они не испытывают этого высокого чувства, то надо его воспитывать в них. Это самое и делает правительство.»

Так говорят обыкновенно люди правящих классов с такой полной уверенностью в том, что патриотизм есть высокое чувство, что наивные люди из народа, не испытывающие этого чувства, признают себя виноватыми в том, что они не

испытывают этого чувства, стараются уверить себя, что они испытывают его или хотя притворяются в этом.

Но что же такое это высокое чувство, которое, по мнению правящих классов, должно быть воспитываемо в народах?

Чувство это есть, в самом точном определении своем, не что иное, как предпочтение своего государства или народа всякому другому государству и народу, чувство, вполне выражаемое немецкой патриотической песней: "Deutschland, Deutschland uber alles" (Германия, Германия выше всех".), в которую стоит только вместо Deutschland вставить Russland, Frankreich, Italien или N.N., т.е. какое-либо другое государство, и будет самая ясная формула высокого чувства патриотизма.

Очень может быть, что чувство это очень желательно и полезно для правительств и для цельности государства, но нельзя не видеть, что чувство это вовсе не высокое, а, напротив, очень глупое и очень безнравственное; глупое потому, что если каждое государство будет считать себя лучше всех других, то очевидно, что все они будут не правы, и безнравственно потому, что оно неизбежно влечет всякого человека, испытывающего его, к тому, чтобы приобрести выгоды для своего государства и народа в ущерб другим государствам и народам, — влечение прямо противоположное основному, признаваемому всеми нравственному закону: не делать другому и другим, чего бы мы не хотели, чтоб нам делали.

Патриотизм мог быть добродетелью в древнем мире, когда он требовал от человека служения наивысшему — доступному человеку того времени — идеалу отечества. Но как же может быть патриотизм добродетелью в наше время, когда он требует от людей прямо противоположного тому, что составляет идеал нашей религии и нравственности, не признания равенства и братства всех людей, а признания одного государства и народности преобладающими над всеми остальными. Но мало того, что чувство это в наше время уже не только не есть добродетель, но несомненный порок; чувства этого, т.е. патриотизма в истинном его смысле, в наше время не может быть, потому что нет для него ни материальных, ни нравственных оснований.

Патриотизм мог иметь смысл в древнем мире, когда каждый народ более или менее однородный по своему составу, исповедующий одну и ту же государственную религию и подчиняясь одной неограниченной власти своего верховного, обоготворяемого владыки, представлялся сам себе как бы островом среди постоянно стремящегося залить его океана варваров.

Понятно, что при таком положении патриотизм, т.е. желание отстоять от нападения варваров, не только готовых разрушить общественный порядок, но угрожающих разграблениями и поголовными убийствами, и пленением, и обращением в рабство мужчин, и изнасилованием женщин, было чувством естественным, и понятно, что человек, для избавления себя и своих соотечественников от таких бед, мог предпочитать свой народ всем другим и испытывать враждебное чувство к окружающим его варварам и убивать их, чтобы защитить свой народ.

Но какое же значение может иметь это чувство в наше христианское время? На каком основании и для чего может человек нашего времени, русский пойти и

убивать французов, немцев, или француз немцев, когда он знает очень хорошо, как бы он ни был мало образован, что люди другого государства и народа, к которому возбуждается его патриотическая враждебность, не варвары, а точно такие же люди — христиане, как и он, часто даже одной с ним веры и исповедания, точно так же, как и он, желающие только мира и мирного обмена труда и, кроме того, еще большей частью связанные с ним или интересами общего труда, или торговыми, или духовными интересами, или теми и другими вместе. Так что очень часто для людей одного государства — люди другого государства ближе и нужнее, чем свои соотечественники, как это имеет место для рабочих, связанных с работодателями других народностей, для торговых людей и в особенности для ученых и художников. Кроме того, сами условия жизни до того изменились теперь, что то, что мы называем отечеством, то, что мы должны как—то отличать от всего остального, перестало быть ясно определенным, как оно было у древних, где составлявшие одно отечество люди принадлежали к одной народности, одному государству и одной вере. Понятен патриотизм египтянина, еврея, грека, римлянина, которые, защищая свое отечество, защищали вместе и свою веру, и свою народность, и свою родину, и свое государство.

Но в чем выразится в наше время патриотизм ирландца в Соединенных Штатах, по вере своей принадлежащего Риму, по народности Ирландии, по государственности Соединенным Штатам? В таком же положении находится чех в Австрии, поляк в России, Пруссии и Австрии, индеец в Англии, татарин и армянин в России и Турции. Но, не говоря уже о людях этих отдельных покоренных народностей, люди государств самых однородных, как Россия, Франция, Пруссия, не могут уже испытывать того чувства патриотизма, который был свойствен древним, потому что очень часто все главные интересы их жизни, иногда семейные — он женат на женщине другого народа; экономические — капиталы его за границей; духовные, научные или художественные — все не в своем отечестве, а вне его, в том государстве, к которому возбуждается его патриотическая ненависть.

Главное же невозможно патриотизм в наше время потому, что, как мы ни старались в продолжение 1800 лет скрыть смысл христианства, оно все—таки просочилось в нашу жизнь и до такой степени руководит ею, что люди, самые грубые и глупые, не могут уже не видеть теперь совершенной несовместимости патриотизма с теми нравственными правилами, которыми они живут.

XIV

Патриотизм был нужен для образования объединенных из разных народностей и защищенных от варваров сильных государств. Но как скоро христианское просвещение одинаково внутренне преобразило все эти государства, дав им одни и те же основы, патриотизм стал уже не только не нужен, но стал единственным препятствием для того единения между народами, к которому они готовы по своему христианскому сознанию.

Патриотизм в наше время есть жестокое предание уже пережитого периода времени, которое держится только по инерции и потому, что правительства и правящие классы, чувствуя, что с этим патриотизмом связана не только их власть, но и существование, старательно и хитростью и насилием возбуждают и поддерживают его в народах. Патриотизм в наше время подобен лесам, когда—то бывшим необходимыми для постройки стен здания, которые, несмотря на то, что они одни мешают теперь пользованию зданием, все-таки не снимаются, потому что существование их выгодно для некоторых.

Между христианскими народами уже давно нет и не может быть никаких причин раздора. Невозможно даже представить себе, как и зачем мирно и вместе работающие на границах и в столицах русские и немецкие рабочие станут ссориться между собой. И тем менее можно вообразить себе вражду между каким-нибудь казанским крестьянином, поставляющим хлеб немцу, и немцем, доставляющим ему косы и машины, то же самое между французскими, немецкими и итальянскими рабочими. О ссоре же между учеными, художниками, писателями разных национальностей, живущими одними общими независимыми от национальности и государственности интересами, даже смешно говорить.

Но правительствам нельзя оставить народы в покое, т.е. в мирных отношениях между собой, потому что если не единственное, то главное оправдание существования правительств в том, чтобы умиротворять народы, улаживать их враждебные отношения. И вот правительства вызывают эти враждебные отношения под видом патриотизма и потом делают вид, что умиротворяют народы между собой. Вроде того, как цыган, который, наспав своей лошади перца под хвост, нахлестав ее в стойле, выводит ее, повиснув на поводу, и притворяется, что он насилу может удержать разгорячившуюся лошадь.

Нас уверяют, что правительства заботятся о соблюдении мира между народами. Как же они соблюдают этот мир?

Живут люди по берегам Рейна, мирно общаясь между собой, — вдруг, вследствие разных ссор и интриг между королями и императорами, начинается война, и оказывается нужным правительству Франции признать некоторых из этих жителей французами. Проходят века, люди привыкли к этому положению, опять начинается вражда между правительствами больших народов, и по самому пустому предлогу начинается война, и оказывается нужным немцам признать этих жителей опять немцами, и во всех французах и немцах разжигается недоброжелательство друг к другу. Или живут мирно немцы с русскими на своей границе, мирно обмениваются трудами и произведениями труда, и вдруг те самые учреждения, которые существуют только во имя умиротворения народов, начинают ссориться, делать глупость за глупостью и ничего лучшего не умеют придумать, как самый ребяческий прием самонаказания, только бы поставить на своем и насолить противнику (что в этом случае особенно удобно, так как те, кто устраивает таможенную войну, не страдают от нее, а страдают другие), устраивают ту таможенную войну, которая недавно велась между Россией и Германией. И между немцами и русскими с помощью газет начинает разгораться недоброжелательное чувство, которое еще

разжигается франко-русскими празднествами и того и гляди может привести к кровавой войне.

Я привел эти два последние примера воздействия правительств на народ для возбуждения в нем враждебности к другим народам, потому что они современные; но нет во всей истории ни одной войны, которая не была бы вызвана правительствами, одними правительствами, совершенно независимо от выгод народов, которым война, даже если она успешна, всегда вредна.

Правительства уверяют народы, что они находятся в опасности от нападения других народов и от внутренних врагов и что единственное средство спасения от этой опасности состоит в рабском повиновении народов правительствам. Так это с полной очевидностью видно во время революций и диктатур и так это происходит всегда и везде, где есть власть. Всякое правительство объясняет свое существование и оправдывает все свои насилия тем, что если бы его не било, то было бы хуже. Уверив народы, что они в опасности, правительства подчиняют себе их. Когда же народы подчинятся правительствам, правительства эти заставляют народы нападать на другие народы. И, таким образом, для народов подтверждаются уверения правительств об опасности от нападения со стороны других народов.

Divide et impera (Разделяй и властвуй.).

Патриотизм в самом простом, ясном и несомненном значении своем есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых — отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти. Так он и проповедуется везде, где проповедуется патриотизм.

Патриотизм есть рабство.

Проповедники мира посредством арбитражи рассуждают так: два животные не могут разделить добычу иначе, как подравшись, так же поступают дети, варвары и варварские народы. Но люди разумные решают свои несогласия рассуждением, убеждением, передачей решения вопроса незаинтересованным, разумным лицам. Так должны поступать и народы нашего времени. Рассуждения эти кажутся вполне правильными. Народы нашего времени дожили до периода разумности, не имеют враждебности друг к другу и могли бы решать свои несогласия путем мирным. Но рассуждение это справедливо только относительно народов, одних народов, если бы они не были под властью правительств. Народы же, подчиняющиеся правительствам, не могут быть разумны, потому что подчинение правительства уже есть признак величайшего неразумия.

Какая же речь может быть о разумности людей, вперед обещающих исполнить все то (включая сюда и убийство людей), что предпишет правительство, т.е. известные случайно попавшие в это положение люди.

Люди, могущие принять такое обязательство безропотного подчинения всему тому, что им предпишут неизвестные им люди из Петербурга, Вены, Берлина, Парижа, не могут быть разумны, и правительства, т.е. люди, обладающие такой властью, еще менее могут быть разумны и не могут не злоупотреблять ею, не могут не ошалевать

от такой безумно страшной власти. Поэтому-то и не может быть достигнут мир народов между собой разумным путем, конвенциями, арбитрацией до тех пор, пока будет существовать подчинение народов правительствам, которое всегда неразумно и всегда пагубно.

Подчинение же людей правительствам всегда будет, пока будет патриотизм, потому что всякая власть основывается на патриотизме, т.е. на готовности людей, ради защиты своего народа, отечества, т.е. государства, от мнимо угрожающих ему опасностей, подчиняться власти.

На этом патриотизме основывалась власть французских королей над своим народом до революции; на этом же патриотизме основывалась и власть Комитета общественной безопасности после революции; на этом же патриотизме воздвиглась власть Наполеона (и консула и императора); и на том же патриотизме установилась по свержении Наполеона власть Бурбонов, и потом республики, и Людовика—Филиппа, и опять республики, и опять Бонапарта, и опять республики, и на этом же патриотизме чуть было не установилась власть г-на Буланже.

Страшно сказать, но нет и не было такого совокупного насилия одних людей над другими, которое не производилось бы во имя патриотизма. Во имя патриотизма воевали русские с французами, французы с русскими, и во имя же патриотизма теперь готовятся русские с французами воевать против немцев, и во имя патриотизма готовятся теперь немцы — воевать на два фронта. Но не только войны, — во имя патриотизма русские душат поляков и немцы славян; во имя патриотизма коммунары убивали версальцев и версальцы — коммунаров.

XV

Казалось бы, что распространение образования, облегченных способов передвижения, частого общения между людьми разных народов, при распространении печати и, главное, при совершенном уничтожении опасности от других народов, обман патриотизма должен бы становиться все труднее и труднее и под конец сделаться невозможным.

Но дело в том, что те самые средства всеобщего внешнего образования, облегченных способов передвижения и общения и, главное, печати, захваченные и все более и более захватываемые правительствами, дают им теперь такую возможность возбуждать в народах враждебные друг к другу чувства, что на сколько увеличивалась очевидность ненужности и вреда патриотизма, на столько же увеличивалась и сила воздействия правительств и правящих классов на народ для возбуждения патриотизма.

Различие между тем, что было и что есть теперь, состоит только в том, что так как теперь гораздо большее число людей участвует в тех выгодах, которые доставляет патриотизм высшим классам, то и гораздо большее число людей участвует в распространении и поддержании этого удивительного суеверия.

Чем труднее удержать свою власть, тем все с большим и большим количеством людей правительство делится ею.

Прежде властвовала одна маленькая кучка правителей: императоры, короли, герцоги, их чиновники и воины; теперь же участниками этой власти и доставляемых ею выгод стали не только чиновники и духовенство, но капиталисты, большие и даже малые, и землевладельцы, и банкиры, и члены палат, и учителя, и сельские должностные лица, и ученые, и даже художники, и в особенности писатели, журналисты. И все эти лица сознательно и бессознательно распространяют обман патриотизма, необходимый им для удержания своего выгодного положения. И обман, благодаря тому, что средства обмана стали сильнее и что в нем участвует теперь все большее количество людей, производится так успешно, что, несмотря на большую трудность обмана, степень обманутости народа остается та же.

За 100 лет тому назад безграмотный народ, не имевший никакого понятия о том, из кого состоит его правительство, и о том, какие народы окружают его, слепо повиновался тем местным чиновникам и дворянам, у которых он находился в рабстве. И достаточно было правительству держать подкупам и наградами в своей власти этих чиновников и дворян, чтобы народ покорно исполнял то, что от него требовалось. Теперь же, когда народ уже большею частью умеет читать, знает более или менее, из кого состоит его правительство, какие народы окружают его; когда люди из народа постоянно и легко передвигаются с места на место, принося ему сведения о том, что делается на свете, уже недостаточно простого требования исполнения приказаний правительств; нужно еще затемнить те правдивые понятия, которые имеет народ о жизни, и внушить ему несвойственные представления об условиях его жизни и об отношении к нему других народов.

И вот, благодаря распространению печати, грамотности и легкости сообщений, правительства, везде имея своих агентов, через указы, церковные проповеди, школы, газеты внушают народу самые дикие и превратные понятия об его выгодах, об отношениях народов между собой, об их свойствах и намерениях, и народ, настолько задавленный трудом, что не имеет ни времени, ни возможности понять значение и проверить справедливость тех понятий, которые внушаются ему, и тех требований, которые во имя его блага предъявляются ему, безропотно покоряется им.

Люди же из народа, освобождающиеся от неустанного труда и образующиеся и потому, казалось бы, могущие понять обман, производимый над ними, подвергаются такому усиленному воздействию угроз, подкупа и гипнотизации правительств, что почти без исключения тотчас переходят на сторону правительств и, поступая в выгодные и хорошо оплачиваемые должности учителей, священников, офицеров, чиновников, становятся участниками распространения того обмана, который губит их собратьев. Как будто в дверях образования стоят тенета, в которые неизбежно попадают все те, которые теми или другими способами выходят из массы поглощенного трудом народа.

Сначала, когда поймешь всю жестокость этого обмана, невольно поднимается негодование против тех, которые из-за своих личных, корыстолюбивых, тщеславных выгод, производят этот жестокий, губящий не только тело, но и душу людей, обман, хочется обличить этих жестоких обманщиков. Но дело в том, что обманывающие

обманывают не потому, что они хотят обманывать, но потому, что они почти не могут поступать иначе. И обманывают они не макиавеллически, не с сознанием производимого ими обмана, но большей частью с наивной уверенностью, что они делают что-то доброе и возвышенное, в чем их постоянно поддерживает сочувствие и одобрение всех окружающих их. Правда, что, смутно чувствуя то, что на этом обмане держится их власть и выгодное положение, они невольно влекутся к нему, но действуют они не потому, что они хотят обмануть народ, а потому, что думают, что делаемое ими дело полезно для народа.

Так, императоры, короли со своими министрами, делая свои коронации, маневры, смотры, посещения друг друга, во время которых они, наряжаясь в различные мундиры, переезжая с места на место, с серьезными лицами совещаются друг с другом о том, как примирить будто бы враждебные народы (которым никогда и в голову не придет воевать друг с другом), вполне уверены, что все то, что они делают, дело очень разумное и полезное.

Точно так же все министры, дипломаты и всякие чиновники, наряжающиеся в свои мундиры с разными ленточками и крестиками и озабоченно пишущие на прекрасной бумаге за номерами свои неясные, запутанные, никому не нужные сообщения, донесения, предписания, проекты, вполне уверены, что без этой их деятельности остановится или расстроится вся жизнь народов.

Точно так же и военные, наряженные в свои смешные костюмы, серьезно рассуждающие о том, какими ружьями или пушками лучше убивать людей, вполне уверены, что их маневры и смотры суть самые важные и нужные для народа дела.

В этом же убеждены и проповедующие патриотизм священники, журналисты и составители патриотических стихов и учебников, получающие за это щедрое вознаграждение. В том же не сомневаются и учредители празднеств вроде франко-русских, искренно умиляющиеся при произнесении своих патриотических речей и тостов. Все люди эти делают то, что они делают, бессознательно, потому что это необходимо им, так как на этом обмане построена вся их жизнь, и потому что они другого ничего не умеют делать, а между тем эти самые поступки вызывают сочувствие и одобрение всех тех людей, среди которых они совершаются. Мало того что, будучи все связаны друг с другом, они сами одобряют и оправдывают поступки и деятельность друг друга: император и короли — военных, чиновников и духовных; а военные, чиновники и духовные — императоров и королей и друг друга, толпа народная, преимущественно городская толпа, не видя никакого понятного для себя смысла во всем том, что делается всеми этими людьми, невольно приписывает им особенное, почти сверхъестественное значение. Толпа видит, например, что ставятся триумфальные арки, люди наряжаются в короны, мундиры, ризы, сжигаются фейерверки, палят из пушек, звонят в колокола, ходят с музыкой полки, летают бумаги, и телеграммы, и курьеры с места на место, и странно наряженные люди непрерывно, озабоченно переезжают с места на место, что—то говорят и пишут и т.п., и толпа, не будучи в состоянии проверить, что все это делается (как оно есть в действительности) без малейшей надобности, приписывает всему этому особенное, таинственное для себя и важное значение, и криками восторга или

молчаливым уважением встречает все эти проявления. А между тем эти выражения иногда восторга и всегда уважения толпы еще более усиливают уверенность тех людей, которые производят все эти глупости.

Недавно Вильгельм II заказал себе новый трон с какими-то особенными украшениями и, нарядившись в белый мундир с латами, в обтянутые штаны и в каску с птицей и сверх этого надев красную мантию, вышел к своим подданным и сел на этот новый трон с полной уверенностью, что это дело очень нужное и важное, и подданные его не только не нашли в этом ничего смешного, но нашли это зрелище весьма торжественным.

XVI

Уже давно власть правительств над народами держится не на силе, как она держалась в те времена, когда одна народность покоряла другую и силой оружия держала ее в покорности, или когда у властителей среди безоружного народа были отдельные вооруженные полчища янычар, опричников, гвардейцев. Власть правительств держится теперь уже давно только на том, что называется общественным мнением.

Существует общественное мнение, что патриотизм есть великое нравственное чувство и что хорошо и должно считать свой народ, свое государство самым лучшим в мире, и устанавливается естественно вытекающее из этого общественное мнение о том, что хорошо и должно признавать над собой власть правительств и подчиняться ей, что хорошо и должно служить в военной службе и подчиняться дисциплине, хорошо и должно в виде подати отдавать свои сбережения правительству, хорошо и должно подчиняться решениям судов, хорошо и должно бесконтрольно верить тому, что выдается правительственными лицами за божественную истину.

А раз существует такое общественное мнение, то и устанавливается могущественная власть, обладающая в наше время миллиардами денег, организованным механизмом управления, почтами, телеграфами, телефонами, дисциплинированными войсками, судами, полицией, покорным духовенством, школой, даже прессой. и власть эта поддерживает в народах то общественное мнение, которое нужно ей.

Власть правительств держится на общественном мнении, обладая же властью, правительства посредством всех своих органов, чиновников, суда, школы, церкви, прессы даже, всегда могут поддержать то общественное мнение, которое им нужно. Общественное мнение производит власть, власть производит общественное мнение. И выхода из этого положения кажется что нет никакого.

И так бы оно действительно было, если бы общественное мнение было нечто постоянное, неизменяющееся и правительства могли бы производить то общественное мнение, которое им нужно.

Но, к счастью, этого нет, и общественное мнение есть, во-первых, не нечто постоянное, неизменяющееся, стоячее, а, напротив, нечто постоянно

изменяющееся, движущееся вместе с движением человечества; а во-вторых, общественное мнение не только не может быть производимо по желанию правительствами, а есть то, что производит правительства и дает им власть или отнимает ее у них.

Если и может казаться, что общественное мнение остается неподвижным и теперь таково же, каким оно было десятки лет тому назад, и может казаться и то, что общественное мнение по отношению некоторых частных случаев колеблется, как будто возвращаясь назад, так что оно, например, то уничтожает республику, заменяя ее монархией, то вновь уничтожает монархию, заменяя ее республикой, но это только кажется так, когда мы рассматриваем внешние проявления того общественного мнения, которое искусственно производится правительствами. Но стоит только взять общественное мнение в его отношении ко всей жизни людей, и мы увидим, что общественное мнение точно так же, как время дня или года, никогда не стоит на месте, а всегда движется, всегда идет неотступно вперед по тому же пути, по которому идет вперед человечество, точно так же, как, несмотря на задержки и колебания, неотступно идет вперед день или весна по тому же пути, по которому идет солнце.

Так что хотя по самым внешним признакам положение народов Европы в наше время почти такое же, какое было 50 лет тому назад, отношение к нему народов уже совсем иное, чем то, которое было 50 лет тому назад. Если существуют те же, как и 50 лет тому назад, властители, войска, войны, подати, роскошь и нищета, католичество, православие, лютеранство, то прежде это существовало потому, что общественное мнение народов требовало этого, теперь же все это существует только потому, что правительства искусственно поддерживают то, что было когда—то живым общественным мнением.

Если же мы часто не замечаем этого движения общественного мнения, как не замечаем движения воды в реке, по течению которой плывем, то происходит это оттого, что те незаметные изменения общественного мнения, которые составляют его движение, происходят в нас самих.

Свойство общественного мнения есть постоянное и неудержимое движение. Если нам кажется, что оно стоит на месте, то это происходит оттого, что везде есть люди, устроившие себе выгодное положение на известном моменте общественного мнения и потому всеми силами старающиеся удержать его и не дать проявиться тому новому, настоящему, которое хотя еще и не выразилось вполне, но уже живет в сознании людей. И такие люди, удерживающие отжившее общественное мнение и скрывающие новое, суть теперь все те, которые составляют правительства и правящие классы, исповедующие патриотизм, как необходимое условие жизни человеческой.

Средства, которыми обладают эти люди, огромны, но так как общественное мнение есть нечто вечно текущее и прибывающее, то все усилия их не могут не быть тщетны: старое старится, молодое растет.

Чем дольше будет удержано выражение нового общественного мнения, тем более оно нарастет и тем с большею силою выразится. Правительства и правящие классы

всеми силами стараются удержать то старое общественное мнение патриотизма, на котором построена их власть, и остановить проявление нового, которое уничтожает ее. Но удержать старое и остановить новое можно только до известных пределов, точно так же, как только до известного предела можно плотиной задержать текущую воду.

Сколько бы ни старались правительства возбуждать в народах не свойственное им уже общественное мнение прошедшего о достоинстве и доблестях патриотизма, люди нашего времени уже не верят в патриотизм, а все больше и больше верят в солидарность и братство народов. Патриотизм уже не представляет людям никакого, кроме самого ужасного, будущего; братство же народов составляет тот общий идеал, который все более и более становится понятным и желательным человечеству. И потому переход людей от прежнего, отжитого общественного мнения к новому неизбежно должен совершиться. Переход этот так же неизбежен, как отпадение весной последних сухих листьев и развертывание молодых из надувшихся почек.

И чем дальше оттягивается этот переход, тем он становится настоятельнее и тем очевиднее его необходимость.

Ведь в самом деле, стоит только вспомнить то, что мы исповедуем и как христиане и просто как люди своего времени, вспомнить те нравственные основы, которыми мы руководствуемся в нашей общественной, семейной и личной жизни, и то положение, в котором мы во имя патриотизма поставили себя, чтобы увидеть, до какой мы дошли степени противоречия между нашим сознанием и тем, что считается среди нас, благодаря усиленному воздействию в этом направлении правительства, нашим общественным мнением.

Стоит только вдуматься в те самые обыкновенные требования патриотизма, которые, как что-то самое простое и естественное, предъявляются нам, чтобы понять, до какой степени эти требования противоречат тому действительному общественному мнению, которое мы все уже разделяем. Все мы считаем себя свободными, образованными, гуманными людьми и даже христианами, а между тем все мы находимся в таком положении, что завтра Вильгельм обиделся на Александра, или г-н N.N. написал бойкую статью о восточном вопросе, или принц какой-нибудь ограбил каких-нибудь болгар или сербов, или какая-нибудь королева или императрица обиделась на что-нибудь, и мы все образованные, гуманные христиане, должны идти убивать людей, которых мы не знаем и к которым дружески расположены, как и ко всем людям. Если же этого не случилось еще, то мы обязаны этим, как уверяют нас, миролюбию Александра III, или тому, что Николай Александрович женится на внучке Виктории. А будет на месте Александра другой, или сам Александр изменит свое настроение, или Николай Александрович женится на Амалии, а не на Алисе, и мы, как кровожадные звери, бросимся выпускать кишки друг другу. Таково мнимое общественное мнение нашего времени. Суждения такие спокойно повторяются во всех самых передовых и либеральных органах печати.

Если мы, тысячелетние христиане, еще не перерезали горло друг другу, то это потому, что Александр III не позволяет нам сделать этого.

Ведь это ужасно!

XVII

Для того, чтобы совершились самые великие и важные изменения в жизни человечества, не нужны никакие подвиги: ни вооружение миллионов войск, ни постройки новых дорог и машин, ни устройства выставок, ни устройства союзов рабочих, ни революции, ни баррикады, ни взрывы, ни изобретения, ни воздухоплавание и т.п., а нужно только изменение общественного мнения. Для изменения же общественного мнения не нужно никаких усилий мысли, не нужно опровергать что—либо существующее и придумывать что-либо необыкновенное, новое, нужно только не поддаваться ложному, уже умершему, искусственно возбуждаемому правительствами общественному мнению прошедшего, нужно только, чтобы каждый отдельный человек говорил то, что он действительно думает и чувствует, или хоть не говорил того, чего он не думает. И только бы люди, хоть небольшое количество людей, делали это, и тотчас само собой спадет отжившее общественное мнение и проявится молодое, живое, настоящее. А изменится общественное мнение, и без всякого усилия само собой заменится все то внутреннее устройство жизни людей, которое томит и мучает их. Совестно сказать, как мало нужно для того, чтобы всем людям освободиться от всех тех бедствий, которые теперь удручают их: нужно только не лгать. Пускай только не поддаются люди той лжи, которую внушают им, пусть только не говорят того, что они не думают и не чувствуют, и тотчас же совершится такой переворот во всем строе нашей жизни, которого не достигнут революционеры столетиями, если бы вся власть находилась в их руках.

Только бы верили люди, что сила не в силе, а в правде, и смело высказывали бы ее, или хоть только бы не отступали от нее словом и делом: не говорили бы того, чего они не думают, не делали бы того, что они считают нехорошим и глупым.

Что же тут важного, чтобы прокричать: "Vive la France" или "ура!" какому-нибудь императору, королю, победителю, пойти, надев мундир, придворный ключ, дожидаться его в передней, раскланиваться и называть его странными титулами и потом внушать всем и молодым, и необразованным людям, что делать это очень похвально. Или что важного в том, чтобы написать статью в защиту франко-русского союза или таможенной войны, или в осуждение немцев, русских, французов, англичан. Или что важного пойти на какое-нибудь патриотическое празднование и пить за здоровье и говорить хвалебные речи людям, которых не любишь и до которых тебе нет никакого дела. Или даже что важного в том, чтобы в разговоре признать благотворность и полезность трактатов, союзов или даже промолчать, когда при вас восхваляют свой народ и государство, бранят и чернят другие народности, или когда восхваляют католичество, православие, лютеранство или какого-нибудь героя войны, или правителя вроде Наполеона, Петра или современного Буланже, Скобелева? Все это кажется так неважно.

А между тем в этих-то кажущихся нам неважными поступках, в воздержании нашем от участия в них, в указании по мере сил наших неразумности того, неразумность чего очевидна нам, в этом наше великое, непреодолимое могущество, то, из которого складывается та непобедимая сила, которая составляет настоящее, действительное общественное мнение, то мнение, которое, само двигаясь, движет всем человечеством. Правительства знают это и трепещут перед этой силой и всеми зависящими от них средствами стараются противодействовать ей или завладеть ею. Они знают, что сила не в силе, а в мысли и ясном выражении ее, и потому боятся выражения независимой мысли больше, чем армий, устраивают цензуры, подкупают газеты, захватывают управления религиями, школами. Но та духовная сила, которая движет миром, ускользает от них, она даже не в книге, не в газете, она неуловима и всегда свободна, она в глубине сознания людей. Самая могущественная и неуловимая, свободная сила эта есть та, которая проявляется в душе человека, когда он один, сам собою обдумывает явления мира и потом невольно высказывает свои мысли своей жене, брату, другу, всем тем людям, с которыми он сходится и от которых считает грехом скрыть то, что он считает истиной. Никакие миллиарды рублей, миллионы войск и никакие учреждения, ни войны, ни революции не произведут того, что может произвести простое выражение свободным человеком того, что он считает справедливым независимо от того, что существует и что ему внушается.

Один свободный человек скажет правдиво то, что он думает и чувствует среди тысяч людей, своими поступками и словами, утверждающими совершенно противоположное. Казалось бы, что высказавший искренно свою мысль должен остаться одиноким, а между тем большей частью бывает так, что все или большинство уже давно думают и чувствуют то же самое, только не высказывают этого. И то, что было вчера новым мнением одного человека, делается нынче общим мнением большинства. А как скоро установилось это мнение, как тотчас незаметно, понемногу, но неудержимо начинают изменяться поступки людей.

А то каждый свободный человек говорит себе: "Что я могу сделать против всего этого моря зла и обмана, заливающего все? К чему высказывать свое мнение? К чему даже составлять его? Лучше не думать об этих неясных и запутанных вопросах. Может быть, эти противоречия составляют неизбежное условие всех явлений жизни. И к чему мне одному бороться со всем злом мира? Не лучше ли отдаться увлекающему меня потоку: если и можно что-нибудь сделать, то не одному, а только в обществе с другими людьми". И, оставляя то могущественное орудие мысли и выражения ее, которое движет миром, каждый берет за орудие общественной деятельности, не замечая того, что всякая общественная деятельность основана на тех самых началах, с которыми ему предлежит бороться, что, вступая в общественную деятельность, существующую среди нашего мира, всякий человек должен хоть отчасти отступить от истинны, сделать такие уступки, которыми он уничтожает всю силу того могущественного орудия борьбы, которое дано ему. Вроде того, как если бы человек, которому дан в руки необыкновенной остроты клинок, все перерезающий, стал бы лезвием этого клинка забивать гвозди.

Все мы плачемся на безумный, противоречащий всему нашему существу порядок жизни, а не только не пользуемся тем единственным находящимся в нашей власти могущественнейшим орудием: сознания истины и выражения ее, но, напротив, под предлогом борьбы со злом уничтожаем это орудие и приносим его в жертву воображаемой борьбе с этим порядком.

Один не говорит той правды, которую он знает, потому, что он чувствует себя обязанным перед людьми, с которыми он связан, другой — потому, что правда могла бы лишить его того выгодного положения, посредством которого он поддерживает семью, третий — потому, что он хочет достигнуть славы и власти и потом уже употребить их на служение людям; четвертый — потому, что он не хочет нарушать старинные священные предания, пятый — потому, что он не хочет оскорблять людей, шестой — потому, что высказывание правды вызовет преследование и нарушит ту добрую общественную деятельность, которой отдается или намерен отдаться...

Один служит императором, королем, министром, чиновником, военным и уверяет себя и других, что-то уклонение от истинны, которое необходимо при его положении, далеко выкупается приносимой им пользой.

Другой исполняет обязанности духовного пастыря, в глубине души не веря всему тому, чему он поучает, но позволяет себе уклонение от истинны ввиду приносимой им пользы. Третий поучает людей в литературе и, несмотря на необходимое умалчивание всей истинны для того, чтобы не воспротивиться против себя правительства и общества, не сомневается в приносимой им пользе; четвертый прямо борется с существующим порядком, как революционеры, анархисты, и вполне уверен, что цель, преследуемая им, так благотворна, что необходимое для успеха его деятельности умалчивание истины и даже ложь, не уничтожат благотворности его деятельности.

Для того, чтобы изменился противный сознанию людей порядок жизни и заменился соответственным ему, нужно, чтобы отжившее общественное мнение заменилось живым, новым. Для того же, чтобы старое, отжившее общественное мнение уступило место новому, живому, нужно, чтобы люди, сознающие новые требования жизни, явно высказывали их. А между тем все люди, сознающие все эти новые требования, один во имя одного, другой во имя другого, не только умалчивают их, но словом и делом утверждают то, что прямо противоположно этим требованиям. Только истина и высказывание ее может установить то новое общественное мнение, которое изменит отсталый и вредный порядок жизни, а между тем мы не только не высказываем той истины, которую знаем, а часто даже прямо высказываем то, что сами считаем неправдой.

Только бы не полагались свободные люди на то, что не имеет силы и всегда несвободно, — на внешнее могущество, а верили бы в то, что всегда могущественно и свободно, — в истину и выражение ее. Только бы смело, ясно высказывали люди уже открывшуюся истину о братстве всех народов и преступности исключительной приверженности к своим народам, и само собой соскочило бы, как отсохшая шкура, то мертвое, ложное общественное мнение, на котором держится вся власть

правительств и все зло, производимое ими, и проявилось бы то новое, живое общественное мнение, которое ждет только отпадения мешающего ему старого, для того, чтобы явно и властно заявить свои требования и установить соответственные сознанию людей новые формы жизни.

XVIII

Стоит людям только понять, что то, что им выдают за общественное мнение, что поддерживается такими сложными, напряженными и искусственными средствами, не есть общественное мнение, а только мертвое последствие когда—то бывшего общественного мнения; стоит, главное, поверить им в себя, в то, что то, что сознается ими в глубине души, что просится у каждого наружу и не высказывается только потому, что противоречит существующему общественному мнению, — есть та сила, которая изменяет мир и проявление которой составляет призвание человека; стоит людям поверить в то, что правда не есть то, что говорят вокруг них люди, а то, что говорит человеку его совесть, т.е. Бог, и мгновенно исчезнет ложное, искусственно поддерживаемое общественное мнение и установится истинное.

Только бы люди говорили то, что они думают, и не говорили того, чего они не думают, и тотчас же отпали бы все суеверия, вытекающие из патриотизма, и все злые чувства и насилия, основанные на нем. Отпала бы раздуваемая правительствами ненависть и вражда государств к государствам и народностей к народностям, отпали бы восхваления военных подвигов, т.е. убийства, отпали бы, главное, уважение к властям, отдачи им своих трудов и подчинение им, для которых помимо патриотизма нет никаких оснований.

А только бы сделалось это, и мгновенно вся та огромная масса слабых, всегда извне руководимых людей, мгновенно перевалит на сторону нового общественного мнения. И новое общественное мнение станет царствующим на место старого.

Пусть обладают правительства школой, церковью, печатью, миллиардами людей и миллионами дисциплинированных, обращенных в машины людей, — вся эта кажущаяся страшной организация грубой силы ничто перед сознанием истины, возникающим в душе знающего силу истины одного человека, и от этого человека сообщится другому, третьему, как одна свеча зажигает бесконечное количество других. Стоит только загореться этому свету, и, как воск от лица огня, распадется, растает вся эта кажущаяся столь могущественной организация.

Только бы люди понимали ту страшную власть, которая дана им в слове, выражающем истину. Только бы не продавали люди свое старшинство за чечевичную похлебку. Только бы пользовались люди этой своей властью, и не только не посмели бы властители, как теперь, угрожать людям всеобщей бойней, в которую они по своему произволу ввергнут или не ввергнут людей, не смели бы на глазах мирных жителей делать своих смотров и маневров дисциплинированным убийцам, не смели бы правительства для своих расчетов, для выгод своих пособников устраивать и расстраивать таможенные договоры, не смели бы

собирать с народа и те миллионы рублей, которые они раздают своим пособникам и на которые приготавливаются к убийству.

Итак, изменение не только возможно, но невозможно, чтобы оно не сделалось, так же невозможно, как невозможно, чтобы не сошло и не развалилось отжившее, мертвое дерево и не выросло молодое.

«Мир оставляю вам, мир мой даю вам: да не смущается сердце ваше и да не устрашается», — сказал Христос. И мир этот действительно уже есть среди нас, и от нас зависит приобрести его.

Только бы не смущалось сердце отдельных людей теми соблазнами, которыми ежечасно соблазняют их, и не устрашалось бы теми воображаемыми страхами, которыми пугают их. Только бы знали люди, в чем их могущественная, всепобеждающая сила, и мир, которого всегда желали люди, не тот, который приобретается дипломатическими переговорами, переездами императоров и королей из одного города в другой, обедами, речами, крепостями, пушками, динамитами и меленитами, не изнурением народа податями, не отрыванием цвета населения от труда и развращением его, а тот мир, который приобретается свободным исповеданием истины каждым отдельным человеком, уже давно наступил бы среди нас.

17 марта 1894

Москва.

Не убий никого, 1907. Том 37 ПСС

I

В начале июля 1907 года человек, участвовавший в Петербурге в издательстве «Обновление», был посажен в тюрьму Петербургским судебным следователем по обвинению его в распространении написанной мною семь лет тому назад брошюры под заглавием «Не убий».

Незначительное при теперешних беспрестанных заточениях, ссылках, казнях событие это знаменательно по тому поводу, по которому оно совершено.

Теперь, когда вся Россия стонет от ужаса перед неперестающими и всё увеличивающимися в числе и по дерзости убийствами, брошюра, подтверждающая древний, признанный за тысячи лет всеми религиями закон «Не убий», брошюра эта запрещается, и распространитель ее, как преступник, сажается в тюрьму.

Казалось бы, правительство, так давно и так безуспешно борющееся с всё более и более охватывающей русских людей манией убийства, должно бы поощрять людей, распространяющих мысли, противодействующие убийству: но удивительное дело, правительство, напротив того, карает таких людей.

Но, может быть, брошюра «Не убий» только носит такое заглавие, а говорит что-нибудь другое, противное религии и нравственности?

Я давно писал эту брошюру и мог забыть ее содержание. Я внимательно перечел её. Нет, в ней говорится то самое, что говорит заглавие, и только то, что оно говорит. В брошюре говорится, что кроме того, что всякое убийство человека человеком преступно и противно тому религиозному учению, которое мы исповедуем, убийства революционерами королей, императоров, вообще правителей, бессмысленны, так как строй государственной жизни не может измениться вследствие убийства правителей; мотивы же таких убийств неосновательны, так как, убивая правителей за совершаемые ими дела насилия, люди забывают, что виноваты в этом они сами своим повинованием правительствам и содействием тому, за что они упрекают правителей.

Так что в общем смысл брошюры тот, что «Не убий» значит только то, что христианам не *должно убивать никого*, ни непосредственно, ни посредством, подсобляя убийствам.

Но, может быть, участвовавший в издательстве «Обновление» судится не за брошюру «Не убий», написанную по случаю убийства итальянского короля, но и за брошюру того же названия, к которой присоединены еще три статьи: «Письмо к фельдфебелю», «Солдатская и офицерская памятка». Я перечел и эти статейки и в них нашел то же, что и в первой: подтверждение заповеди «Не убий», и в особенности разъяснение того, что приготовление к убийствам, содействие им так же преступно и так же противно закону Христа, как и самое убийство.

Так что, в общем, смысл и этих статей тот, что люди христиане не должны ни содействовать убийству, ни готовиться к нему, ни убивать кого бы то ни было.

II

Удивительный закон возмездия, неизбежно карающий людей, извращающих закон бога.

Тысяча девятьсот лет тому назад Христос, провозглашая основные заповеди своего учения, во главу всех поставил уже не старинную заповедь «не убий» (заповедь эту он считал до такой степени установленной, что он не говорил о ней), а заповедь о том, что всякий человек должен избегать всего того, что может привести к убийству: не держать зла на ближнего, прощать всех, со всеми мириться, не иметь врагов (Матф. V, 21–26).

Но эта заповедь не только не была принята людьми, но даже древняя заповедь, запрещающая убийство, была отвергнута, так же как она была отвергнута и законами Моисея, и люди, называвшие себя христианами, продолжали с полной уверенностью в своей правоте убивать и на войне, и дома всех тех людей, смерть которых представлялась им желательной.

Правительства христианских народов с помощью церковников долго обучали управляемые ими народы тому, что закон «не убий» не значит то, что люди не должны без всяких исключений убивать себе подобных, но что есть случаи, когда не только можно, но должно убивать людей; и народы верили правительствам и содействовали убийствам тех, кого правительство предназначало к убийству. Когда же пришло время и вера в непогрешимость правительств нарушилась, народы стали по отношению к людям, составляющим правительства, поступать точно так же, как поступали правительства по отношению людей, смерть которых представлялась им желательной, только с той разницей, что правительства считали, что убивать можно на войне и после известных совещаний, которые называются судами; народы же решили, что можно убивать во время революций и после совещаний известных людей, называющих себя революционными комитетами, и т. п.

И сделалось то, что происходит теперь в России, то есть то, что после 1900 лет проповеди христианства люди уже два года не переставая убивают друг друга: революционеры своих, правительства своих врагов, убивают мужчин, женщин, детей, — всех тех, смерть которых считают для себя полезной, и что удивительней всего — это то, что, поступая так, они вполне уверены, что не нарушают ни нравственного, ни религиозного закона.

Дошло до того, что если бы теперь дать в России всем людям возможность убивать всех тех, кого они считают для себя вредными, то почти все русские люди поубивали бы друг друга: революционеры всех правителей и капиталистов, правители и капиталисты всех революционеров, крестьяне — всех землевладельцев, землевладельцы — всех крестьян и т. д.

И это не шутка, а действительно так. И это ужасное состояние народа продолжается уже несколько лет и с каждым годом, месяцем, днем становится всё хуже и хуже.

III

Становится же положение всё хуже и хуже в особенности оттого, что правительство, чувствуя себя обязанным противодействовать этому положению дел, старается прекратить его теми средствами, которые оно считает единственно действительными. Средства же эти, и глупые и жестокие, состоят в совершении тех самых преступлений, против которых борется правительство. И, как это должно быть, особенно теперь, при теперешних усовершенствованных орудиях убийства: браунингах, бомбах, пулеметах, при которых маленький ребенок может убить сотню сильных людей, — глупые и жестокие средства эти не только не достигают цели, но всё больше и больше ухудшают положение.

Трагизм положения русского правительства теперь в том, что, несмотря на то, что оно не может не видеть, что от приложения тех глупых и жестоких средств, которыми оно пользуется, положение только ухудшается, оно не может остановиться. Мало того, что не может остановиться, оно не может употребить единственно возможное и действительное средство борьбы против убийства: разъяснение преступности, греха убийства. Не только не может употребить это средство, но должно употреблять свои глупые и жестокие приемы и против тех людей, которые хотят приложить это единственное возможное средство спасения от того бедственного состояния, в котором находятся теперь русские люди.

Правительство преследует мою брошюру «Не убий» и сажает в тюрьму ее распространителя. Теперь оно неизбежно должно преследовать то, что я сейчас пишу, должно казнить и меня, и, чтобы быть последовательным, должно бы уже давно запретить не только евангелие, но и десять заповедей ветхого завета и казнить всех тех, кто распространяет их.

IV

Да, удивительный закон возмездия, казнящий наверное тех, кто извращает закон бога.

Вся Россия стонет от ужаса вырвавшихся наружу, ничем не сдерживаемых зверских инстинктов, побуждающих людей совершать самые ужасные, бессмысленные убийства.

И вот самые либеральные, отстаивающие всякие свободы люди, на вопрос о том, следует ли соблюдать свободу жизни, то есть не убивать людей, люди эти не могут поступать иначе, как молчать, молчанием своим признавать необходимость убийств, или явно признавать эту необходимость, как явно признают эту необходимость революционеры и правительство. И правительство, и революционеры, и не принадлежащие ни к каким партиям убийцы под самыми разнообразными предложениями продолжают убивать друг друга.

Положение России ужасно. Но ужаснее всего не материальное положение, не застой промышленности, не земельное неустройство, не пролетариат, не финансовое расстройство, не грабежи, не бунты, не вообще революция. Ужасно то душевное, умственное расстройство, которое лежит в основе всех этих бедствий.

Ужасно то, что большинство русских людей живет без какого бы то ни было нравственного или религиозного, обязательного для всех и общего всем закона: одни, признавая религией отжившие, не имеющие уже никакого разумного смысла, ни, главное, обязательного для поведения значения, старинные верования, руководятся в жизни только своими соображениями и вкусами; другие же, признавая ненужность каких-либо верований (религии), точно так же руководятся только своими самыми разнообразными соображениями и желаниями. Так что большинство людей, действующих теперь в России, под предлогом самых разноречивых соображений о том, в чем заключается благо общества, в сущности руководятся только своими эгоистическими, почти животными побуждениями. Самое ужасное при этом то, что люди эти, отказавшись от разумной человеческой жизни, спустившись почти на ступень животных, вполне довольны собою и уверены, что все те глупости и гадости, которые они говорят и делают в подражание западным народам (как правительственные люди, так и революционеры), несомненно доказывают их превосходство над мудрыми и святыми людьми прошедшего, и что не только не надо стараться установить какое—либо общее всем религиозное жизнепонимание — веру, могущую соединить людей, но что отсутствие всякой веры и доказывает их умственное и нравственное превосходство.

V

Люди могут жить согласной человеческой жизнью никак не вследствие каких—либо политических верований, а только вследствие своего соединения одним и тем же пониманием основного смысла жизни.

Политические верования потому не могут соединить людей, что политических верований может быть бесчисленное количество, одни верят в такой, другие в другой парламентаризм, или социализм, или анархизм. Высшее же понимание смысла жизни в известный исторический период и для известного народа может быть только одно. Так это и было всегда. Так жили соединенные одним и тем же высшим законом жизни греки, римляне, арабы, индусы, так жили и живут китайцы, так жили и европейские народы, так называемые христиане, пока они действительно верили в ту, приспособленную Павлом к языческим нравам, веру, которая называлась христианскою, католическою религией.

Нам ясно теперь всё несоответствие этого религиозного, запутанного, неясного и лицемерного учения церквей, запрещавшего чтение евангелия, ставившего спасение верою и исполнение таинств на место евангельского отречения от земных благ и дел любви, признававшего обязательность покорности светской власти вместо евангельского признания власти одного бога, признававшего чудеса, поклонение иконам, мощам, непогрешимость папы и т. п. Нам ясно несоответствие этого учения с простым, ясным учением евангелия. Но люди рождались в этой ложной вере, вера эта внушалась им с детства, и как ни груба (на наш теперешний взгляд) была эта вера, разрешавшая убийства, казни, войны, поединки, вместе с признанием бога любви, — люди искренно верили в нее, и вера эта соединяла их. Соединение это продолжалось веками, но пришло время, когда явились люди,

начавшие иначе, по-своему толковать учение. Явилось протестантство в своих самых разнообразных формах, и начались вражды и споры между различными исповеданиями извращенного христианства. Споры всё более и более ослабляли веру, и кончилось тем, что павловское приспособление христианства к язычеству, еще более извращенное церквями, перестало быть религией в настоящем значении этого слова, то есть руководящим началом жизни людей. Нарушилось то единство веры, которое до этого времени соединяло их. Люди перестали верить в одну и ту же религию. Сначала перестали верить в одну и ту же религию, а потом, вследствие разных толкований и споров, перестали верить, действительно верить в самую христианскую религию.

VI

Много было причин, уничтоживших веру людей в христианскую религию во всех ее формах: в католичество, в православие, в протестантство. Такими причинами были и религиозные споры и всё большее и большее просвещение; главной же причиной было то, что как церковное католическое, так и протестантское христианство допускало казни и войны.

Людям, введившим христианство в языческие народы, вследствие своей принадлежности их к правящим классам общества, естественно было, принимая и вводя в христианство народ, или скрывать, или не видеть в нем всего того, что было несовместимо со всем строем языческой жизни, выгодами которой они пользовались. Людям этим для того, чтобы принять христианство и ввести его в народ, неизбежно предстояло одно из двух: или изменить строй языческой жизни согласно с христианским учением, или изменить христианское учение согласно с существующим строем жизни. Они избрали второе, то есть, пользуясь толкованиями Павла, так извратили учение, чтобы всё то, что в истинном христианстве противоречило существующему строю, держащемуся на насилии и убийстве, было скрыто и перетолковано. Для того же, чтобы перетолковать христианство так, чтобы оно не противоречило языческому устройству жизни и разрешению убийства, на котором держится весь строй языческой жизни, надо было изменить и скрыть самую сущность христианства. В еврействе и в магометанстве можно было обойти заповедь «не убий», не разрушая закон, так как в обеих религиях признавалось деление людей на верных и неверных и потому можно было признавать заповедь «не убий» только по отношению верных. В христианстве же, где по самой сущности учения все люди признавались братьями, где всё учение основывалось на любви, выражающейся в прощении обид, в любви к врагам, в христианстве этого нельзя было сделать: допущение убийства каких бы то ни было людей разрушало главную основу христианского учения. И потому совместить христианство с убийством нельзя было иначе, как такими толкованиями, которые разрушали самую сущность его. Так это и было сделано, А когда это было сделано, христианство, извратившись, перестало быть религией. И сделалось то, что христианская церковная вера стала или делом обычая, или приличия, или выгоды, или поэтическим настроением, а настоящей религии, то есть такой веры, которая действительно соединяла бы людей

и руководила их поступками между людьми христианского мира, не осталось никакой.

VII

Казалось бы, что, потеряв то единственное начало: религию, которое может соединять людей, — люди церковного христианского мира должны бы были разъединиться, распасться, перестать жить общей жизнью, но этого не случилось. Не случилось этого потому, что освобождение от веры в извращенное христианство совершалось не вдруг, а совершалось понемногу, и рядом с этим освобождением от соединения верою люди всё больше и больше подпадали другому соединению, основанному уже не на религии, а на власти, на той власти, которая была основана религией и поддерживалась ею. Люди, переставая верить в бога и его закон, всё больше и больше, как это и внушалось им, верили во власть правителей и их закон. И когда вера в ложное христианство исчезла, вера в правителей, в их власть и их закон заменила исчезнувшую ложную религию и продолжала держать людей в искусственном соединении.

Но соединение, основанное не на религии, а на инерции власти, не могло продолжаться. Пришло время, когда с распространением просвещения люди поняли, что для них нет никакой внутренней причины, по которой они должны бы были подчиняться именно этой, а не какой—либо другой власти. И, поняв это, люди перестали верить в необходимость повиновения государственной власти и стали бороться с ней. Борьба эта началась уже давно, но особенно сильно проявилась она в конце XVIII столетия. Борьба эта продолжалась в прошлом веке, продолжается и теперь в более или менее скрытой форме во всем так называемом христианском мире и с особенной энергией происходит теперь в России.

То, что происходит теперь в России, есть эта самая борьба людей, потерявших внутреннюю религиозную связь между собой, потерявших и веру в необходимость повиновения власти. Борьба эта состоит в том, что люди стараются освободить себя от насильнической власти теми же самыми грубыми и жестокими средствами, которые употребляла и употребляет власть для удержания их в повиновении себе.

Если в России эта борьба проявляется безобразнее и жесточе, чем она проявлялась в других государствах, то это происходит только оттого, что это проявление позднейшее.

VIII

Во многих отношениях положение русского народа подобно тому, в каком были европейские народы сто лет назад, но во многом положение это и совсем иное. Подобно оно тем, что русский народ теперь, так же как и тогда европейские народы, в своем огромном большинстве, понял, что та вера, которой его обучали, в троицу, рай и ад, таинства, иконы, мощи, посты, молитвы, вера в святость и величие царя и обязанность повиновения властям, вера, совместимая с убийствами и всякого рода насилиями, не есть вера, а только подобие ее, и в последнее время с

необыкновенной быстротой и легкостью освобождается как от ложной религиозной веры, так и от еще более бессодержательной веры в благодетельность, необходимость царской и вообще правительственной власти.

В этом стремлении к освобождению себя от веры в извращенное христианство и в необходимость и священность власти положение русских людей совершенно подобно положению европейских людей в начале прошлого столетия. Разница же в том, что революция, совершающаяся теперь в России, — позднейшая, и что поэтому русские люди могут видеть теперь то, чего не могли видеть европейские народы, именно то, к чему привела народы их борьба с своими правительствами. Русские люди не могут не видеть того, что вся эта борьба не только не уничтожила, но даже не уменьшила того зла, с которым они боролись. Не могут не видеть русские люди того, что все потраченные во время революции усилия, вся пролитая кровь не уничтожили бедность и зависимость трудящихся от богатых и властвующих, не прекратили те траты народных сил на захваты чужих владений, на войны, не освободили народ от власти немногих. Не могут не видеть русские люди ту тщету борьбы насилия против насилия, на которую столько сил напрасно потратили европейские народы. В этом одна причина различия теперешнего положения русских людей от положения людей западного мира сто лет тому назад.

Другая же, и самая важная, в том, что, кроме той официальной, мнимо христианской религии, одинаково привитой как всем западным, так и русскому народу, в русском народе с самых древних времен, рядом с этой официальной, всегда жила другая, неофициальная, жизненная христианская вера, каким—то странным путем, через святые жизни старцев, через юродивых, странников, проникшая в народ, и в пословицах, в рассказах, легендах утвердившаяся в нем и руководящая им. Сущность этой веры в том, что человеку жить надо *по—божьи, для душа*, что люди все братья, что то, что велико перед людьми, то мерзость перед богом, что спастись может человек не исполнением обрядов и молитвами, а только делами милосердия и любви. Вера эта всегда жила в народе и была его истинной верой, руководящей его жизнью рядом с той ложной церковной верой, которая внешним образом была привита ему. Вера эта лет 70 тому назад еще была сильна в народе, но за последние 50 лет, особенно вследствие упадка нравственности духовенства и в особенности монашества, стала всё больше и больше ослабевать во всем народе и стала выделяться в секты так называемых: молокан, штундистов, хлыстов, субботников, божьих людей, малеванцев, еговистов, духоборов и многих других. Общие черты большинства этих сект, кроме общего всем решительного отрицания православия, были всё большее и большее внесение в поведение нравственных христианских правил и непризнание требований государственной власти, главное же, законности и необходимости убийства человека человеком. Вера эта в последнее время, как в отпор революционному озлоблению, захватившему часть русских людей, всё более и более уясняется и очищается; людей самых различных общественных положений и образований, исповедующих эту веру, становится всё больше и больше, люди всё больше и больше сближаются между собой, и понимание ими христианской истины всё более и более упрощается и вносится в жизнь.

Так что, несмотря на общие черты русской революции со всеми, прежде происходившими революциями в христианском мире, русские люди, и вследствие того, что она позднейшая, и вследствие того, что русский народ был всегда особенно религиозен и рядом с внешней официальной религией воспитал и удержал в себе христианские начала в их истинном значении, русские люди не могут не прийти к другому из своей революции исходу, чем тот, к которому пришли в прошлом веке западные народы.

В русском народе происходит теперь напряженная борьба двух самых противоположных свойств человека: человека зверя и человека христианина.

Русскому народу предстоят теперь два пути: один тот, по которому шли и идут европейские народы: насилем бороться с насилем, побороть его и насилем же установить и стараться поддерживать вновь установленный, такой же, как и отвергнутый, насильственный порядок вещей. Другой же — тот, чтобы, поняв то, что соединение людей насилем может быть только временным, но что истинно соединить людей может только одно и то же понимание жизни и вытекающий из него закон, — попытаться уяснить себе то более или менее ясно сознаваемое народом понимание жизни и вытекающий из него закон, исключаящий во всяком случае разрешение убийства человеком человека, уяснить себе это понимание жизни и на нем, только на нем, а не на насилии, основать свою жизнь и свое единение.

И такая замена соединения людей, основанного на насилии, соединением, основанным на общем всем людям нашего христианского мира понимании жизни, предстоит, я думаю, в наше время не только русскому народу, но и всему христианскому человечеству.

IX

Утечет еще много воды, а может быть и крови, пока это совершится. Но не может быть того, чтобы не пришло, наконец, время для людей христианского мира, когда они, освободившись от ложной веры и от возникшего на ней насилия, не соединились бы все в одном высшем, таком общем им всем религиозном понимании жизни, при котором не только невозможно, но совершенно ненужно убийство человека человеком. Придет это время, потому что жизнь людей, соединенная насилем, возникшим на пережитой уже людьми вере, может быть временным, переходным состоянием, но не может быть жизнью разумных существ. Животные могут быть соединены насилем, но люди могут соединяться только одним общим для всех пониманием, жизни. Общее же для всех людей нашего мира понимание жизни есть только одно. И я думаю, что понимание это есть то, которое выражено в том христианстве, при котором, как бы мы ни понимали его, не может быть допущена полезность, необходимость, законность убийства.

Ведь стоит только людям, думающим, что они верят в христианство, выбросить из него все те бессмыслицы о троицах и происхождении святого духа, об искуплении верой, рае, аде и т. п., даже все чувствительные слова о любви в столь любимой XIII

главе Коринфянам, а людям, не верующим в христианство, а верующим в науку, выбросить из нее многословные и сложные рассуждения о праве, государстве, представительстве, прогрессе, будущем социализме, а вместо всего этого признать только одну простую и ясную и высказанную за тысячи лет истину, составляющую первое, необходимое отрицательное условие всякой нравственности — истину, признаваемую и сердцем, и умом, и всем существом всякого неиспорченного человека, истину о том, что человек не должен убивать человека, и тотчас же изменился бы весь существующий ужасный, зверский строй нашей жизни, и сложилась бы жизнь, согласная с сознанием людей нашего времени, сделалось бы то самое, чего стремятся достигнуть теперь лучшие люди нашего времени.

Человечество медленно, с остановками, отступлениями, возвращениями назад, поднимается всё выше и выше, переходя с ступени на ступень при своем движении к совершенству и благу. Долго стояло человечество перед той ступенью, которая поднимала его к возможности согласной жизни людей без необходимости убийства; но оно в наше время, хочет или не хочет этого, необходимо должно наступить на нее. Если не разум, не стремление к добру, то самая бедственность положения, всё увеличивающаяся и увеличивающаяся, заставит людей сделать это, то есть начать устраивать свою жизнь не на началах ненависти и угрозы, а на началах разума и любви.

«Царство божие на земле — это конечная цель и желание человечества. (Да придет царство твое.) Христос приблизил к нам это царство, но люди не поняли его и воздвигли в нас царство попов, а не царство бога», — говорил Кант.

«И только тогда, — говорил он, — можно будет с полным основанием сказать, что пришло к нам это царство божие, когда укоренится в людях сознание необходимости постепенного перехода церковной веры во всеобщую разумную религию».

И я думаю, не только думаю, но уверен, что время это пришло.

Люди устроили себе жизнь, всю держащуюся на противном и разуму и сердцу человека деянии, — убийстве, и вместе с этим, целым длинным, веками выработавшимся, хитрым обманом вполне уверили себя, что они или исповедуют такой закон Христа, или знают такую науку, при которых несомненно доказывается то, что убийство человека человеком согласно и с разумом и с сердцем человека, и когда им говорят о том, что жизнь их зверская и что их христианство и их наука есть насмешка и надругательство над религией и наукой, что им надо перестать быть убийцами, если они хотят быть христианами и просвещенными людьми, они только улыбаются и пожимают плечами. Так неисполнимо кажется им перестать делать то, что было запрещено самыми первобытными религиозными законами самых древних людей, — то, что заложено самыми первобытными религиозными законами самых древних людей, — то, что заложено и в сознании и в сердце всякого неиспорченного человека, и то, что никакими, самыми хитроумными рассуждениями не может быть соединено с христианским учением, которое они будто бы исповедуют, ни с просвещением, которым они так гордятся.

Да, какой должен быть ужасный умственный упадок людей нашего мира, когда они могут верить тому, что жизнь их станет хуже, если они перестанут казнить, мучить, убивать, вешать друг друга.

Да, как велико должно быть извращение нравственно—религиозного чувства людей и даже простого рассудка, когда им нужно доказывать, и почти наверное тщетно, что «не убий» не значит то, что можно убивать людей других, чем свой, народов и еще тех, убийство которых мы признали для себя полезным; а что слова эти, нами же приписываемые богу, значат то, что *не должно убивать никого*.

Да, ужасно нравственное и умственное падение таких людей, когда они еще при этом считают себя стоящими на высшей степени духовного развития. А таковы, страшно сказать, все, за малыми исключениями, люди нашего цивилизованного развращенного мира.

Одно утешение в этом — то, что этот ужасный упадок есть признак последней степени развращения, при которой должно наступить пробуждение. И я верю, что теперешняя русская революция приведет нас к этому.

Да, разумеется, неисполнимо учение Христа для тех людей, которые живут заведованием и распоряжением над постройками броненосцев, крепостей, над солдатами, обучаемыми убийству, над школами, воспитывающими убийц, над судами, тюрьмами, виселицами, для людей, владеющих богатствами, охраняемых убийством; для этих людей понятно, что учение Христа неисполнимо; но пора понять тем, кто строит крепости и броненосцы, кого обучают убийству, кого развращают в школах, кого казнят и расстреливают, кто собирает те богатства, которые охраняются убийством, что жизнь без убийств, без насилия гораздо исполнимее, чем та, которую они теперь ведут. И я думаю, что русские люди, огромное большинство русских людей, поймут и отчасти уже понимают это.

Х

Я верю в это, потому что нелепость того, что совершается, слишком очевидна. Люди правительственные и революционные — одни придумывают и проповедуют самые утонченные, хитроумные научные и государственные законы, другие — еще более хитроумные, сложные и дальновидные планы о том, как в будущем должно устроиться человечество, но и те, и другие, и третьи для достижения своих целей считают не важным делом до времени допустить необходимость и законность убийства, и потому, несмотря на всё глубокомыслие, старательность и усердие этих людей, все их утонченные и хитроумные соображения не улучшают жизни, а, напротив, жизнь становится всё хуже и хуже.

Люди устроили огород и сажают в нем самым усовершенствованным способом самые драгоценные и нежные растения, и удобряют, и полют, и поливают, но только забыли одно: оставили лазейку в ограде, и скотина заходит в огород, затаптывает и вырывает всё то, что есть в огороде. И люди удивляются и огорчаются и никак не могут понять, отчего все труды их пропадают даром.

То же и с жизнью людей христианского мира. Люди нашего времени придумали себе всякие религиозные и государственные законы, будто бы ограждающие их, и всячески усовершенствовали свою телесную жизнь: общаются мыслями через океаны, летают по воздуху, делают всякие чудеса, но допустили одно маленькое отступление от того, что говорит им мудрость прошедшего, их разум, их сердце, признали за людьми право убивать людей, друг друга, и все — и религиозные, и государственные ограждения перестали быть ограждениями, и все чудеса технических усовершенствований не только не содействуют их благу, но разрушают это благо.

Происходит это оттого, что прежде чем устанавливать такой или иной строй жизни, прежде чем усовершенствовать средства пользования силами природы, — прежде всего людям надо установить то открытое им за тысячу лет религиозно—нравственное учение о том, что в каждом теле человека живет одно и то же божественное начало и что поэтому ни один ни человек, ни собрание людей не может иметь права нарушить это установленное соединение божественного начала с человеческим телом, то есть лишить человека жизни.

И признание, и установление такого религиозно—нравственного учения не только возможно, но жизнь становится невозможной без признания и установления этого религиозно-нравственного учения, которое есть не что иное, как всем нам близкое и известное учение Христа в его истинном значении.

И я верю, что наша нелепая и ужасная революция приведет большинство русского народа к признанию, установлению и введению в жизнь этого религиозно-нравственного начала христианского учения.

XI

Да, всё это будет, когда наступит царство божие, но что же делать, пока его нет?
Делать то, что нужно для того, чтобы наступило царство божие.

Что делать голодному человеку, когда у него нет пищи? Работать для того, чтобы приобрести пищу. Как пища не приходит сама собою, так царство божие, то есть добрая жизнь людей, не придет сама собой. Надо ее делать. А чтобы делать ее, надо перестать делать самое ужасное зло, то, которое более всего утверждает дурную жизнь людей: убийство.

И для того, чтобы перестать делать это дело, нужно очень немного. Сознание несвойственности человеческой природе убийства себе подобных уже достаточно укоренилось в огромном большинстве христианского мира. Нужно только одно: понять, признать и проводить в жизнь мысль о том, что мы не призваны устраивать жизнь других людей насилием, неизбежно влекущим за собой убийство, и что всякое убийство, которое мы совершаем, в котором участвуем, на котором строим выгоды своей жизни, не может быть полезно ни другим, ни нам, а напротив, только увеличивает то зло, которое мы хотим исправить. Только бы познали это люди и воздержались от всякого вмешательства в жизнь других людей, только бы перестали люди искать улучшения своего положения в внешнем, насильственном

устройстве, которое невозможно без убийства, а искали бы его каждый для себя в приближении того идеала совершенства, который так определенно поставлен перед каждым человеком христианским учением и который никак уже не совместим с убийством, и сама собой сложилась бы та жизнь, которую так тщетно стараются люди осуществить внешними, всё больше и больше ухудшающими жизнь людей средствами.

Есть только одно средство избавления людей от тех бедствий, которые они несут и которые всё увеличиваются. Средство это: признание и введение в жизнь того открывающего новую эру человечества истинного христианского учения, того истинного христианского учения, которое без признания основного положения его непротивления злу злом есть только лицемерное, никого ни к чему не обязывающее учение, не только не изменяющее той зверской животной жизни, которой живут теперь люди, но еще поддерживающее её.

«А, опять старая песня непротивления!» — слышу я самоуверенные презрительные голоса.

Но что же делать человеку, который видит, что толпа, давя, губя друг друга, валит и напирает на неразрушимую дверь, надеясь отворить ее наружу, когда он знает, что дверь отворяется только внутрь.

5 августа 1907 г.

Комментарии П. С. Попова

История писания и печатания и описание рукописей

3 июля 1907 г. ответственный редактор издательства «Обновление», выпускавшего в 1906 г. запрещенные цензурой статьи Толстого, Н. Е. Фельтен был арестован за напечатание статьи Толстого «Не убий» (1900). В тот же день, из тюрьмы, Фельтен написал об этом Толстому. Письмо Фельтена было получено в Ясной Поляне 9 июля, и Толстой тогда же ответил ему (см. т. 77), а в Записной книжке 9 июля пометил: «Письмо от Фельтена. Он в тюрьме за «Не убий». Хочется написать об этом. Немного, но плохо писал» (т. 56, стр. 202).

Работа над статьей, вначале озаглавленной «Не убий», была начата 9 июля и продолжалась до 5 августа 1908 г. О писании статьи Толстой почти ежедневно отмечал в Записной книжке (см. т. 56, стр. 202–207).

Если считать первой редакцией первоначальный набросок, то 13 июля Толстой закончил вторую редакцию, давши ей заглавие «Единственное спасение». Вторая редакция соответствует рукописи № 5. На следующий день, 14 июля, Толстой изменил конструкцию статьи, перепланировав ее заново. Было написано новое начало. Зачеркнув старое заглавие, Толстой надписал: «Не убий! значит не убий»; зачеркнув и это заглавие, он на первом рукописном листке пометил еще новое заглавие: «Чем это кончится». В конце рукописи Толстой проставил дату: «14 июля». Статья была разбита на две главы. Таким образом, составила третья редакция статьи. Четвертая редакция подписана 17 июля и соответствует рук. №

9. В копии с этой рукописи Толстой проставил окончательное заглавие статьи, в дальнейшем уже не изменявшееся. Последующая переписка статьи производилась на тонкой, «папиросной» бумаге, удобной для отсылки за границу, — признак того, что работа была близка к завершению.

19 июля Толстой занес в Записную книжку: «Был у Чертковых. Читал Не убий. Ближе к концу». А в записях (недатированных), сделанных после 22 июля, Толстой внес ряд мыслей, положенных в основу последних глав статьи — IX–XI (см. т. 56, стр. 249–250).

25 июля (дата Толстого на рукописи) была закончена пятая редакция. В ней был заново написан весь конец статьи.

В этой редакции 26 июля статья «Не убий никого» была прочитана вслух собравшейся у Толстого молодежи, пришедшей от Чертковых из Телятинок.

28 июля Толстой отметил в Записной книжке: «Кончил «Не убий никого» (т. 56, стр. 205). Однако в тот же день он вновь стал исправлять статью. Наибольшим изменениям подверглись главы VII и VIII. К 29 июля относится шестая редакция. Однако и последующая машинопись подвергалась значительной правке и видоизменениям. Статья из краткого заявления в газеты с протестом против ареста Фельтена превращалась в рассуждение о безусловности заповеди «не убий».

После новой, седьмой, редакции, помеченной 3 августа, Толстой заново написал десятую главу, но в следующей стадии устранил ее вовсе. Окончательная редакция завершается новой заключительной главой, которую Толстой подписал: «5 августа 1907 г.». Этой датой была помечена машинопись, разосланная в редакции газет для опубликования.

6 августа Толстой отдал статью на просмотр Черткову. Чертков внес в текст статьи некоторые исправления; одни из них Толстой принял, другие — отверг. Приняты были лишь мелкие стилистические поправки.

Таким образом, 5 августа статья «Не убий никого» была в основном закончена, и Толстой больше не исправлял ее и только 14 августа, просматривая девятую главу, он сделал в нее небольшую вставку (девятый и десятый абзацы главы). Эта вставка была последним этапом в процессе писания статьи.

Еще до окончания работы Толстой запросил ряд московских газет о возможном опубликовании статьи. «Русские ведомости» отозвались письмом от 1 августа 1907 г., извещая, что «редакция, конечно, с удовольствием ее напечатает, если не встретится препятствий в виду нынешнего положения печати». Первой рискнула напечатать материал, присланный Толстым, петербургская газета «Слово». Публикация статьи была замаскирована тем, что весь номер (245, от 6 сентября) редакция газеты посвятила Толстому, отмечая пятидесятилетие его литературной деятельности. В передовой статье «Не убий никого» газета опубликовала в выдержках статью Толстого, использовав несколько больше трети всего полученного от автора материала. Публикацию газета снабдила следующим примечанием: «Мы глубоко сожалеем, что ограниченность места и некоторое разномыслие с отдельными доводами не дают нам возможности воспроизвести всю статью Толстого целиком». «Слово» напечатало почти всю вторую главу «Не убий никого», вторую половину четвертой главы, большую часть восьмой главы, часть девятой и одиннадцатой главы. Через два дня (8 сентября) с публикацией

текста статьи Толстого выступило еще несколько петербургских и московских газет (петербургские — «Речь» и «Товарищ»; московские — «Русские ведомости», «Голос Москвы», «Столичное утро»). Редакции газет были подбодрены тем, что выступление «Слова» не вызвало никаких репрессий. Некоторые газеты («Русские ведомости», «Столичное утро») под видом перепечатки опубликовали ряд мест, неиспользованных «Словом». Наиболее обширные извлечения были сделаны «Голосом Москвы», опубликовавшем около половины всего материала.

Толстой был недоволен тем, что статья появилась не целиком, и отметил в Записной книжке: «Статью все газеты напечатали в выдержках» (запись от 9 сентября 1907 г.).

Впервые полностью статья опубликована в изд. «Посредник» в виде отдельной брошюры в 1917 г. под заглавием «Не убий никого» с датой 5–18 августа 1907 г.

В настоящем издании статья «Не убий никого» печатается по рук. № 22. Ошибки переписчиков исправляются по автографам.

Общее количество рукописного материала, относящегося к статье «Не убий никого», исчисляется в 348 листов разного формата (в том числе и отрезки). Из них 35 листов автографов, остальные машинописные копии с исправлениями Толстого. Рукописи расположены хронологически под №№ 1–22.

Рукопись № 1 — первая редакция статьи; № 5 — вторая редакция (подписана Толстым 13 июля); № 6 — третья редакция (подписана 14 июля); № 9 — четвертая редакция (подписана 17 июля); № 12 — пятая редакция (подписана 25 июля); № 14 — шестая редакция (подписана 29 июля); № 18 — седьмая редакция (подписана 3 августа); № 20 — восьмая редакция (подписана 5 августа).

На обложках рукописей имеются даты переписчиков: № 4 — 12 июля 1907; № 9 — 18 июля 1907.

Рукопись № 22 последняя правленная Толстым полная копия всей статьи, с которой делались машинописные списки для рассылки в редакции газет.

Письмо фельдфебелю, 1898. Том 90 ПСС

Ответ писателя на вопрос М. П. Шалагинова, фельдфебеля в отставке, заданный в письме к Толстому: совместимо ли христианское учение с военной службой и войной? Толстой написал «длинное письмо одному бывшему фельдфебелю о невозможности соединения войны и христианства и что из этого выходит» (Т. 88).

Письмо к М. П. Шалагинову в окончательной редакции впервые было опубликовано под заглавием «Письмо к фельдфебелю» и без обращения в «Листках Свободного слова» (Purleigh, Essex, England, 1899, № 5). В России — в 1917–1919 гг. в изд. «Трезвая жизнь» и др.; распространялось нелегально. ПСС, т. 90, с. 54–59.

*

«Вы удивляетесь на то, что солдат учат тому, что людей можно убивать в известных случаях и на войне, тогда как в том писании, которое признается священным теми, которые так учат, — нет ничего подобного на такое разрешение, а есть обратное: запрещение не только всякого убийства людей, но и всякого оскорбления других людей, запрещение делать другим то, чего себе не хочешь. Вы спрашиваете: не обман ли это, и если это обман, то в угоду кого он сделан?»

Да, это обман, сделанный в угоду тех, которые привыкли жить потом и кровью других людей и которые для этой цели извратили и извращают учение Христа, данное людям для их блага, теперь же, в своем извращенном положении, сделавшееся главным источником всех бедствий людей.

Произошло это таким образом.

Правительству и всем тем лицам высших сословий, примыкающих к правительству и живущим чужими трудами, нужно иметь средство для властвования над рабочим народом; средство для этого есть войско. <...> Правительства же и высшие праздные классы для того, чтобы иметь отговорку в своем властвовании над рабочим народом, поступают, как цыган, который нахлещет за углом лошадь и потом делает вид, что не может удержать ее. <...>

Дело это преступное, но хуже всего в нем то, что правительства для того, чтобы иметь разумное основание своей власти над народом, должны делать вид, что они исповедуют самое высшее известное людям религиозное учение, т. е. христианское, и в этом учении воспитывают своих подданных, учение это по существу своему противно не только убийству, но и всякому насилию, и потому правительствам для того, чтобы властвовать над народом и считаться христианским, нужно было извратить христианство и скрыть истинный смысл его от народа и тем лишить людей того блага, которое принес им Христос.

Извращение это христианства сделано давно, еще при причисленном за это к лику святых злодее царе Константине. Все последующие же правительства, особенно наше, стараются всеми силами удержать это извращение и не дать народу увидеть

истинный смысл христианства, потому что, увидав истинный смысл христианства, народ понял бы, что правительства с своими податями, солдатами, острогами, виселицами и обманщиками–жрецами суть не только не столпы христианства, какими они себя выставляют, а величайшие враги его. Вследствие этого извращения и происходят те обманы, которые поразили вас, и все те страшные бедствия, от которых страдает народ.

Народ задавлен, ограблен, нищ, невежествен, вымирает. Отчего? Оттого, что земля в руках богачей, народ закабален на фабриках, заводах, в заработках, потому, что с него дерут подати и сбивают цену с его работы и набивают цену на то, что ему нужно.

Но кто же такие те войска, которые держат народ в этом порабощении? Кто те солдаты, которые будут стрелять по крестьянам, завладевшим землей, и по стачечникам, если они не расходятся, и по контрабандистам, привозящим товары без подати, — которые будут сажать в остроги и держать там тех, которые откажутся платить?

Солдаты — это те самые крестьяне, у которых отобрана земля, те самые стачечники, которые хотят повысить свой заработок, те самые плательщики податей, которые хотят избавиться от этих платежей. Зачем же стреляют эти люди по своим братьям? А затем, что им внушено, что для них обязательна та присяга, которую их заставляли принимать при поступлении на службу, и что убивать нельзя людей вообще, но можно по приказанию начальства, т. е. над ними производится тот же самый обман, который поразил вас. Но тут является вопрос: каким образом могут здравомыслящие люди, часто грамотные и даже образованные, верить такой очевидной лжи? Как бы мало ни был образован человек, он все-таки не может не знать, что Христос, во имя которого его учат убийству, не только не разрешал убийства, но учил кротости, смирению, прощению обид, любви к врагам; не может не видеть того, что поэтому он не может, на основании христианского учения, обещаться вперед убивать всех тех, кого ему велят. Так что обман солдат в том, что им внушается то, что можно без греха убивать людей по приказанию начальства, не стоит отдельно, а связан с целой системой обманов, без которых этот обман был бы недействителен».

Письмо либералам (А. М. Калмыковой), 1896. Том 69 ПСС

Ответ Толстого на вопрос писательницы, общественной деятельницы, сотрудницы «Посредника» А. М. Калмыковой (1849–1926), разросшийся в обширное доказательное открытое письмо. В коллективном обращении к Толстому члены Петербургского комитета грамотности В. В. Девель, Н. А. Рубакин и А. М. Калмыкова просили высказаться по поводу правительственных репрессий (был закрыт комитет грамотности).

Толстой был убежденным противником либеральных способов борьбы с правительством: «Деятельность комитета грамотности и т. п., состоящая в борьбе с правительством на почве закона, того самого, который пишет правительство, есть пустое и вредное занятие».

Впервые напечатано под названием «Письмо к либералам» в издании «Свободного слова» под редакцией В. Г. Черткова (Лондон, 1897), с написанным позже добавлением в конце письма.

ПСС, т. 68*.

* См. также кн.: Лев Толстой. Пора понять (М., 2010. 3-е изд.); сайт И. В. Петровицкой: <http://petrovitskaya.lifeware.ru>

1896 г. Августа 31. Я. П.

Многоуважаемая

Александра Михайловна,

Очень рад был бы вместе с вами и вашими товарищами Девелем¹ и Рубакиным² — деятельность которых знаю и ценю — отстаивать права комитета грамотности³ и воевать против врагов народного просвещения; но не вижу никаких средств противодействия на том поприще, на котором вы работаете.

Я утешаю себя только тем, что занят, не переставая, этой же самой борьбой с теми же врагами просвещения, хотя и на другом поприще.

По тому частному вопросу, который занимает вас, я думаю, что, вместо уничтоженного комитета грамотности, надо бы устроить множество других обществ грамотности, с теми же задачами и независимо от правительства, не спрашивая у него никаких цензурных разрешений и предоставляя ему, если оно захочет, преследовать эти общества грамотности, карать за них, ссылать и т. п. Если оно будет это делать, то только придаст этим особенное значение хорошим книгам и библиотекам и усилит движение к просвещению.

Мне кажется, что теперь особенно важно делать доброе спокойно и упорно, не только не спрашиваясь правительства, но сознательно избегая его участия. Сила правительства держится на невежестве народа, и оно знает это и потому всегда будет бороться против просвещения. Пора нам понять это. Давать же правительству возможность, распространяя мрак, делать вид, что оно занято просвещением

народа, как это делают всякого рода мнимо—просветительные учреждения, контролируемые им, — школы, гимназии, университеты, академии, всякого рода комитеты и съезды, — бывает чрезвычайно вредно. Добро — добро, и просвещение — просвещение только тогда, когда оно совсем добро и совсем просвещение, а не применительно к циркулярам Делянова⁴ и Дурново.⁵ Главное же, мне всегда жалко, что такие драгоценные, бескорыстные, самоотверженные силы тратятся так непроизводительно. Иногда мне просто смешно смотреть на то, как люди, хорошие, умные, тратят свои силы на то, чтобы бороться с правительством на почве тех законов, которые пишет по своему произволу это самое правительство.

Дело, мне кажется, в следующем:

Есть люди, к которым мы принадлежим, которые знают, что наше правительство очень дурно, и борются с ним. Со времен Радищева⁶ и Декабристов способов борьбы употреблялось два: один способ — Стеньки Разина, Пугачева, Декабристов, революционеров 60-х годов, деятелей 1-го марта⁷ и других; другой — тот, который проповедуется и применяется вами — способ «постепеновцев», — состоящий в том, чтобы бороться на законной почве, без насилия, отвоевывая понемногу себе права. Оба способа, не переставая, употребляются вот уже более полувека на моей памяти, и положение становится всё хуже и хуже; если положение и улучшается, то происходит это не благодаря той или другой из этих деятельностей, а несмотря на вред этих деятельностей (по другим причинам, о которых я скажу после), и та сила, против которой борются, становится всё могущественнее, сильнее и наглее. Последние проблески самоуправления: земство, суд, ваши комитеты и др. — всё упраздняется, как «бессмысленные мечтания».⁸

Теперь, когда прошло столько времени, что тщетно употребляются оба эти средства, можно, кажется, ясно видеть, что ни то, ни другое средство не годится и почему. Мне, по крайней мере, который всегда питал отвращение к нашему правительству, но никогда не прибегал ни к тому, ни к другому способу борьбы с ним, недостатки этих обоих средств очевидны.

Первое средство не годится, во—первых, потому, что если бы даже и удалось изменение существующего порядка посредством насилия, то ничто бы не ручалось за то, что установившийся новый порядок был бы прочен и что враги этого нового порядка не восторжествовали бы при удачных условиях и при помощи того же насилия, как это много раз бывало во Франции и везде, где бывали революции. И потому новый, установленный насилием порядок вещей должен был бы непрестанно быть поддерживаемым тем же насилием, т. е. беззаконием, и, вследствие этого, неизбежно и очень скоро испортился бы так же, как и тот, который он заменил. При неудаче же, как это всегда было у нас, все насилия революционные, от Пугачева до 1-го марта, только усиливали тот порядок вещей, против которого они боролись, переводя в лагерь консерваторов и ретроградов всё огромное количество нерешительных, стоявших посредине и не принадлежавших ни к тому, ни к другому лагерю людей. И потому думаю, что, руководствуясь и опытом и рассуждением, смело можно сказать, что средство это, кроме того, что безнравственно, — неразумно и недействительно.

Еще менее действительно и разумно, по моему мнению, второе средство. Оно недействительно и неразумно, потому что правительство, имея в своих руках всю власть (войско, администрацию, церковь, школы, полицию) и составляя само те так называемые законы, на почве которых либералы хотят бороться с ним, — правительство, зная очень хорошо, что именно ему опасно, никогда не допустит людей, подчиняющихся ему и действующих под его руководством, делать какие бы то ни было дела, подрывающие его власть. Так, например, хоть бы в данном случае, правительство, как у нас (да и везде), держащееся на невежестве народа, никогда не позволит истинно просвещать его. Оно разрешает всякого рода мнимо—просветительные учреждения, контролируемые им — школы, гимназии, университеты, академии, всякого рода комитеты и съезды и подцензурные издания до тех пор, пока эти учреждения и издания служат его целям, т. е. одуряют народ, или, по крайней мере, не мешают одурению его; но при всякой попытке этих учреждений или изданий пошатнуть то, на чем зиждется власть правительства, т. е. невежество народа, правительство преспокойно, не отдавая никому отчета, почему оно поступает так, а не иначе, произносит свое «veto»,⁹ преобразовывает, закрывает заведения или учреждения и запрещает издания. И потому, как это ясно и по рассуждению и по опыту, такое мнимое, постепенное завоевание прав есть самообман, очень выгодный правительству и поэтому даже поощряемый им.

Но мало того, что эта деятельность неразумна и недействительна, она и вредна. Вредна этого рода деятельность, во-первых, потому, что просвещенные, добрые и честные люди, вступая в ряды правительства, придают ему нравственный авторитет, который оно не имело бы без них. Если бы всё правительство состояло бы из одних только тех грубых насильников, корыстолюбцев и льстецов, которые составляют его ядро, оно не могло бы держаться. Только участие в делах правительства просвещенных и честных людей дает правительству тот нравственный престиж, который оно имеет. В этом — один вред деятельности либералов, участвующих или входящих в сделки с правительством.

Во-вторых, вредна такая деятельность потому, что для возможности ее проявления эти самые просвещенные, честные люди, допуская компромиссы, приучаются понемногу к мысли о том, что для доброй цели можно немножко отступать от правды в словах и делах. Можно, например, не признавая существующую религию, исполнять ее обряды, можно присягать, можно подавать ложные, противные человеческому достоинству адреса, если это нужно для успеха дела, можно поступать в военную службу, можно участвовать в земстве, не имеющем никаких прав, можно служить учителем, профессором, преподавая не то, что сам считаешь нужным, а то, что предписано правительством, даже — земским начальником, подчиняясь противным совести требованиям и распоряжениям правительства, можно издавать газеты и журналы, умалчивая о том, что нужно сказать, и печатая то, что велено. Делая же эти компромиссы, пределов которых никак нельзя предвидеть, просвещенные и честные люди, которые одни могли бы составлять какую-нибудь преграду правительству в его посягательстве на свободу людей, незаметно отступая всё дальше и дальше от требований своей совести, не успеют оглянуться, как уже попадают в положение полной зависимости от правительства:

получают от него жалованье, награды и, продолжая воображать, что они проводят либеральные идеи, становятся покорными слугами и поддерживателями того самого строя, против которого они выступили.

Правда, есть еще и лучшие, искренние люди этого лагеря, которые не поддаются на заманивания правительства и остаются свободными от подкупа, жалованья и положения. Эти люди, большей частью, запутавшись в тех сетях, которыми их опутывает правительство, бьются в этих сетях, как вы теперь с своими комитетами, топчась на одном месте, или, раздражившись, переходят в лагерь революционеров, или стреляются, или спиваются, или, отчаявшись, бросают всё и, что чаще всего, удаляются в литературу, где, подчиняясь требованиям цензуры, высказывают только то, что позволено, и, этим самым умолчанием о самом важном внося самые превратные и желательные для правительства мысли в публику, продолжают воображать, что они своим писанием, дающим им средства к существованию, служат обществу.

Так что и рассуждение и опыт показывают мне, что оба средства борьбы против правительства, употреблявшиеся до сих пор и теперь употребляемые, не только не действительны, но оба содействуют усилению власти и произвола правительства.

Что же делать? Очевидно, не то, что в продолжение семидесяти лет оказалось бесплодным и только достигало обратных результатов. Что же делать? А то самое, что делают те, благодаря деятельности которых совершалось всё то движение вперед к добру и к свету, которое совершилось и совершается с тех пор, как стоит мир. Вот это-то и надо делать. Что же это такое?

А простое, спокойное, правдивое исполнение того, что считаешь хорошим и должным, совершенно независимо от правительства, от того, что это нравится или не нравится ему. Или другими словами: отстаивание своих прав, не как члена комитета грамотности, или гласного, или землевладельца, или купца, или даже члена парламента, а отстаивание своих прав разумного и свободного человека, и отстаивание их не так, как отстаиваются права земств и комитетов, с уступками и компромиссами, а без всяких уступок и компромиссов, как и не может иначе отстаиваться нравственное и человеческое достоинство.

Для того чтобы успешно защищать крепость, нужно сжечь все дома предместья и оставить только то, что твердо и что мы ни за что не намерены сдать. Точно так же и здесь: надо сначала уступить всё то, что мы можем сдать, и оставить только то, что не сдается. Только тогда, утвердившись на этом несдаваемом, мы можем завоевать и всё то, что нам нужно. Правда, права члена парламента, или хоть земства, или комитета, — больше, чем права простого человека, и, пользуясь этими правами, кажется, что можно сделать очень многое; но горе в том, что для приобретения прав земства, парламента, комитета, надо отказаться от части своих прав, как человека. А отказавшись хотя от части прав, как человека, нет уже никакой точки опоры, и нельзя ни завоевать, ни удержать никакого настоящего права. Для того чтобы вытаскивать других из тины, надо самому стоять на твердом, а если для удобства вытаскивания самому сойти в тину, то и других не вытащишь и сам завязнешь. Очень может быть хорошо и полезно провести в парламенте восьмичасовой день, или в

комитете либеральную программу школьных библиотек; но если для этого нужно члену парламента публично, поднимая руку, лгать, произнося присягу, лгать, выражая словами уважение тому, чего он не уважает; или, для нас, для проведения самых либеральных программ, служить молебны, присягать, надевать мундиры, писать лживые и льстивые бумаги и говорить такие же речи и т. п., то, делая все эти вещи, мы теряем, отказываясь от своего человеческого достоинства, гораздо больше, чем выигрываем, и, стремясь к достижению одной определенной цели (большей частью цель эта и не достигается), лишаем себя возможности достигнуть других, самых важных целей. Ведь сдерживать правительство и противодействовать ему могут только люди, в которых есть нечто, чего они ни за что, ни при каких условиях не уступят. Для того чтобы иметь силу противодействовать, надо иметь точку опоры. И правительство очень хорошо знает это и заботится, главное, о том, чтобы вытравить из людей то, что не уступает — человеческое достоинство. Когда же оно вытравлено из них, правительство спокойно делает то, что ему нужно, зная, что оно не встретит уже настоящего противодействия. Человек, который согласился публично присягать, произнося недостойные и лживые слова присяги, или покорно в мундире дожидаться несколько часов приема министра, или записавшись в охрану на коронации, или для приличия исполнивши обряд говения¹⁰ и т. п., уже не страшен правительству.

Александр II говорил, что либералы не страшны ему, потому что он знает, что всех их можно купить не деньгами, так почестями.

Ведь люди, участвующие в правительстве или работающие под его руководством, делая вид, что они борются, могут обманывать себя и своих единомышленников; но те, кто с ними борются, несомненно знают по противодействию, которое они оказывают, что они не тянут, а делают только вид. И это знает наше правительство по отношению либералов и постоянно делает испытания, насколько действительно есть настоящее противодействие, и, удостоверившись в достаточном для своих целей отсутствии его, делает свои дела с полной уверенностью, что с этими людьми всё можно.

Правительство Александра III знало это очень хорошо и, зная это, спокойно уничтожило всё то, чем так гордились либералы, воображая себе, что они всё это сделали: изменило, ограничило суд присяжных; уничтожило мировой суд; уничтожило университетские права; изменило всю систему преподавания в гимназиях; возобновило кадетские корпуса; даже казенную продажу вина; установило земских начальников; узаконило розги; уничтожило почти земство; дало бесконтрольную власть губернаторам; поощряло экзекуции; усилило административные ссылки и заключения в тюрьмах и казни политических; ввело новые гонения за веру; довело одурение народа дикими суевериями православия до последней степени; узаконило убийство на дуэлях; установило беззаконие в виде охраны с смертной казнью, как нормальный порядок вещей; и в проведении всех этих мер не встречало никакого противодействия, кроме протеста одной почтенной женщины,¹¹ смело высказавшей правительству то, что она считала правдой. Либералы же говорили потихоньку между собою, что им всё это не нравится, но

продолжали участвовать и в судах, и в земствах, и в университетах, и на службе, и в печати. В печати они намекали на то, на что позволено было намекать, молчали о том, о чем было велено молчать; но печатали всё то, что велено было печатать. Так что всякий читатель, получая либеральную газету и журнал, не будучи посвящен в то, что говорилось потихоньку в редакциях, читал изложение без комментариев и осуждений самых жестоких и неразумных мер, подобострастные и льстивые адреса, обращенные к виновникам этих мер, и часто даже восхваления их. Так вся печальная деятельность правительства Александра III, разрушившая всё то¹² доброе, что стало входить в жизнь при Александре II, и пытавшаяся вернуть Россию к варварству времен начала нынешнего столетия, — вся эта постыдная деятельность виселиц, розг, гонений, одурения народа, — сделалась предметом безумного, печатавшегося во всех либеральных газетах и журналах восхваления Александра III и возведения его в великого человека, в образцы человеческого достоинства. То же продолжается и при новом царствовании. Вступившего на место прежнего царя молодого человека, не имеющего никакого понятия о жизни, уверили те люди, которые стоят у власти и которым это выгодно, что для управления ста миллионами надо делать то самое, что делал его отец, т. е. надо ни у кого не спрашивать, что нужно делать, а делать только то, что взбредет в голову или что посоветует первый из приближенных льстецов. И, вообразив себе, что неограниченное самодержавие есть священное начало жизни русского народа, молодой человек этот начинает свое царствование тем, что вместо того, чтобы просить представителей русского народа помочь ему советами в управлении, в котором он, воспитанный в гвардейских полках, ничего не понимает и не может понимать, он дерзко, неприлично кричит на явившихся к нему с поздравлениями представителей русского народа, называя робко выраженное некоторыми из них желание доводить до сведения власти о своих нуждах, «бессмысленными мечтаниями».

И что же? Русское общество возмутилось, просвещенные и честные люди — либералы — высказали свое негодование и отвращение, по крайней мере воздержались от восхваления такого правительства и от участия в нем и поощрения его? Нисколько. С этого времени начинается особенно напряженное взапуски восхваление и отца и подражающего ему сына, и не слышится ни одного протестующего голоса,¹³ и залы зимнего дворца заваливаются подлыми, льстивыми адресами и подносимыми иконами. Устраивается ужасающая по своей нелепости, безумной трате денег, коронация; происходят от презрения к народу и наглости властителей страшные бедствия гибели тысяч людей, на которые устроители ее смотрят, как на маленькое омрачение торжеств, которые не должны от этого прерываться; устраивается никому, кроме¹⁴ тех, кто устроили ее, ненужная выставка, на которую тратятся миллионы; с неслыханной прежде наглостью выдумываются в канцелярии Синода новые, самые глупые средства одурения народа, — мощи человека,¹⁵ про которого никто ничего никогда не знал; усиливаются строгости цензуры, продолжается положение охраны, т. е. узаконенное беззаконие, и положение становится всё хуже и хуже.

А я думаю, что всего этого не было бы, если бы те просвещенные и честные люди, которые теперь заняты либеральной деятельностью на почве законности в

земствах, комитетах, подцензурной литературе и т. п., направляли бы свою энергию не на то, чтобы в формах, учрежденных самим правительством, как-нибудь обмануть его и заставить действовать себе на вред и гибель^[1], а только на то, чтобы, ни в коем случае не участвуя в правительстве и ни в каких делах, связанных с ним, отстаивать свои личные права человека. «Вам угодно учредить, вместо мировых судей, земских начальников с розгами, — это ваше дело; но мы не пойдём ни судиться к вашим земским начальникам, ни сами не будем поступать в эту должность; вам угодно сделать суд присяжных одною формальностью, — это ваше дело, но мы не пойдём в судьи, ни в адвокаты, ни в присяжные; вам угодно под видом охраны установить бесправие, — это ваше дело, но мы не будем участвовать в ней и будем прямо называть охрану беззаконием и смертные казни без суда — убийством; вам угодно устроить классические гимназии с военными упражнениями и законом Божиим или кадетские корпуса, — ваше дело, но мы не будем в них учителями, не будем посылать в них наших детей, а будем воспитывать их так, как считаем хорошим; вам угодно свести на нет земство, — мы не будем участвовать в нём;¹⁶ вы запрещаете печатать то, что вам не нравится, — вы можете ловить, сжигать, наказывать типографщиков, но говорить и писать вы не можете нам помешать, и мы будем делать это; вы велите присягать на верность царю, — мы не будем делать этого, потому что это глупость, ложь и подлость; вы велите служить в военной службе, — мы не будем делать этого, потому что считаем массовое убийство таким же противным совести поступком, как и убийство одиночное, а, главное, обещание убивать, кого прикажет начальник, — самым подлым поступком, который может сделать человек; вы исповедуете религию, отставшую на тысячу лет от века, с Иверской,¹⁷ мощами и коронациями, — это ваше дело, но идолопоклонство и изуверство мы не только не признаем религиею, но называем изуверством и идолопоклонством и стараемся избавить от него людей».

И что может правительство против такой деятельности? Можно сослать, посадить в тюрьму человека за то, что он готовит бомбу или даже печатает прокламацию к рабочим, и можно передать комитет грамотности из одного министерства в другое, или закрыть парламент; но что может сделать правительство с человеком, который не хочет публично лгать, поднимая руку, или не хочет детей отдавать в заведение, которое он считает дурным, или не хочет учиться убивать людей, или не хочет участвовать в идолопоклонстве, или не хочет участвовать в коронациях, встречах и адресах, или говорит и пишет то, что думает и чувствует? Преследуя человека, правительство делает из такого человека возбуждающего общее сочувствие мученика и подрывает те основы, на которых оно само держится, так как, поступая так, оно вместо того, чтобы охранять человеческие права людей, само нарушает их.

И стоит только всем тем просвещенным и честным людям, силы которых гибнут теперь во вред себе и делу на революционной, социалистической и либеральной деятельности, начать поступать так, и тотчас же составилось бы ядро честных, просвещенных и независимых людей, и к ядру этому примкнула бы вся, всегда колеблющаяся масса средних людей и явилась бы та единственная сила, которая покоряет правительства, — общественное мнение, требующее свободы слова, свободы совести, справедливости и человечности. А как скоро составилось бы такое

общественное мнение, так не только нельзя бы было закрывать комитет грамотности, но сами собой уничтожились бы все те бесчеловечные учреждения охраны, тайной полиции, цензуры, Шлиссельбурга,¹⁸ Синода, с которыми борются теперь революционеры и либералы.

Так что для борьбы с правительством пробованы были два средства, — оба неудачные, и остается теперь испытать третье, которое еще не пробовано и которое, по моему мнению, не может не быть успешно. Средство это, коротко выраженное, состоит в том, чтобы всем просвещенным и честным людям стараться быть как можно лучше, и даже лучше не во всех отношениях, а только в одном, именно соблюсти одну из своих элементарных добродетелей — быть честным, не лгать, а поступать и говорить так, чтобы мотивы, по которым поступаешь, были понятны любящему тебя твоему семилетнему сыну; поступать так, чтобы сын этот не сказал: «а зачем же ты, папаша, говорил тогда то, а теперь делаешь или говоришь совсем другое?» Средство это кажется очень слабым, а между тем я убежден, что только одно это средство двигало человечество с тех пор, как оно существует^[2].

Убежден же я в этом потому, что то, что требуется совестью — высшим предчувствием доступной человеку истины, — есть всегда и во всех отношениях самая нужная и самая плодотворная деятельность. Только человек, живущий сообразно своей совести, может иметь благое влияние на людей. Деятельность же, сообразная с совестью лучших людей общества, есть всегда та самая деятельность, которая требуется для блага человечества в данное время.

Простите, что так много написал вам, может быть, совершенно ненужного вам; но мне давно хотелось высказаться по этому вопросу. Я начал даже большую статью об этом,¹⁹ но едва ли успею до смерти кончить, и потому хотелось бы хоть кое—как высказаться. Простите, если в чем ошибся.

Дружески жму вам руку.

Лев Толстой.

31 августа 1896.

Примечания

Письмо сохранилось в шести последовательных редакциях. Печатаем последнюю — шестую редакцию (в которой оно было, по-видимому, послано адресату) по машинописной копии с многочисленными поправками рукой Толстого, его подписью и датой. Впервые опубликовано под названием «Письмо к либералам» в издании «Свободного слова», под ред. В. Черткова, Лондон, 1897, с добавлением в конце письма, написанным позже (см. письмо к В. Г. Черткову от 23 сентября 1896 г., т. 87).

Александра Михайловна Калмыкова, рожд. Чернова (1849–1926) — писательница и деятельница по народному образованию. См. т. 63, стр. 215—216.

Ответ Толстого на коллективное обращение к нему общественных деятелей по народному образованию — членов Петербургского комитета грамотности В. В. Девеля, Н. А. Рубакина и А. М. Калмыковой от 2 мая 1896 г., в котором они просили Толстого высказаться по поводу правительственных репрессий, выразившихся, в частности, в закрытии комитетов грамотности.

- ¹ Виктор Владимирович Девель (1856–1899), бывший секретарь Петербургского комитета грамотности.
- ² Николай Александрович Рубакин (1862–1946), писатель, библиограф, секретарь Петербургского комитета грамотности, автор ряда работ по вопросам народного образования, в том числе широко распространенного библиографического справочника «Среди книг» (2-е изд. в трех томах 1911–1915). В рецензии на 2-й том этого издания Ленин писал, что «ни одной солидной библиотеке без сочинения г-на Рубакина нельзя будет обойтись» (Сочинения, т. 20, стр. 236).
- ³ Комитеты грамотности — общественные учреждения, образованные одно в 1845 г. при Московском обществе сельского хозяйства, другое в 1861 г. в Петербурге при Вольно-Экономическом обществе. Комитеты ставили своей целью разработкой теоретических вопросов и непосредственной практической деятельностью по изданию дешевых книг для народа и устройству народных библиотек содействовать начальному народному образованию. В конце 1895 г., по требованию министра внутренних дел И. Н. Дурново, комитеты были закрыты, а в 1896 г. преобразованы в особые общества грамотности с официальной реакционной программой.
- ⁴ Иван Давыдович Делянов (1818–1897), в 1882–1897 гг. министр народного просвещения, отличавшийся особой реакционностью; поддерживал в гимназиях систему классического образования, ограничил прием в средне—учебные заведения детей трудящихся; издал новый «университетский устав 1884 г.», заменивший самоуправление университетов (по уставу 1865 г.) системой бюрократической регламентации академической жизни.
- ⁵ Иван Николаевич Дурново (1830–1903), с 1889 по 1895 г. министр внутренних дел, а затем председатель Комитета министров, инициатор положения о земских начальниках (1889), по которому все крестьянское население России было отдано под административно-судебную опеку местного дворянства, и ряда других реакционных постановлений.
- ⁶ Александр Николаевич Радищев (1749–1802).
- ⁷ Группа членов партии «Народной воли», организаторов террористического акта 1 марта 1881 г., в результате которого был убит Александр II.
- ⁸ По случаю восшествия на престол Николая II представители земств обратились к нему с пожеланием введения либеральных реформ, на что он ответил им в своей речи от 12 января 1895 г., назвав эти пожелания «бессмысленными мечтаниями». См. статью Толстого «Бессмысленные мечтания», т. 31.
- ⁹ Запрещение.
- ¹⁰ В опубликованном тексте следуют слова: или вперед спрашивать у начальников цензуры, можно ли, или нельзя ему высказывать те или другие мысли.
- ¹¹ Имеется в виду Мария Константиновна Цебрикова (1835–1917), писательница. Написала в 1880 г. «Открытое письмо» Александру III, за что была сослана в Вологодскую губ. См. т. 85, стр. 183.
- ¹² Зачеркнуто: чем гордились либералы; и дальнейшая фраза: доброе, что стало входить в жизнь при Александре II вписана рукой неизвестного.
- ¹³ В опубликованном тексте это место письма выражено так: кроме одного анонимного письма, осторожно выражающего неодобрение поступку молодого царя, и царю подносятся со всех сторон подлые льстивые адреса и, почему-то, всякого рода иконы, которые никому ни на что не нужны и служат только предметом идолопоклонства грубых людей.
- ¹⁴ Зачеркнуто: мошенников, устроивших ее и заменено вписанными неизвестной рукой словами: тех, кто устроили ее.
- ¹⁵ Имеется в виду открытие весной 1896 г. в Чернигове «мощей» черниговского архиепископа Феодосия Углицкого.

¹⁶ *Зачеркнуто: вы проповедуете дуэль, мы прямо признаем это преступлением и дерущихся на дуэли убийцами, а пишущих об этом законы подстрекателями.*

¹⁷ *Икона в Иверской часовне у Воскресенских ворот в Москве, считавшаяся «чудотворной» и широко эксплуатировавшаяся духовенством для поддержания суеверий.*

¹⁸ *Шлиссельбургская крепость при выходе р. Невы из Ладожского озера; служила местом заточения государственных преступников; уничтожена после революции 1917 г.*

¹⁹ *Толстой имеет в виду свою статью «Бессмысленные мечтания», начатую в 1895 г., но в то время еще не законченную.*

Сноски Толстого:

[¹] Иногда мне просто смешно подумать, как могут люди заниматься таким очевидно невозможным делом, точно как думать, что можно отрезать у животного ногу так, чтобы оно не заметило.

[²] Только потому, что были такие люди — прямые, правдивые, мужественные и не уступавшие никому в деле своего человеческого достоинства, и совершились все те благие перевороты, которыми теперь пользуются люди — от уничтожения пытки, рабства до свободы слова и совести. И это не может быть иначе, потому что то, что требуется совестью, высшим предчувствием доступной человеку истины, — есть всегда и во всех отношениях самая плодотворная и самая нужная в данную минуту для человечества деятельность. Только человек, живущий сообразно своей совести, может иметь влияние на людей, и только деятельность, сообразная с совестью, может быть полезна.

Но я должен оговориться: то, что для достижения тех целей, к которым стремятся и революционеры и либералы, самое действительное средство есть деятельность, сообразная с своей совестью, — не значит то, что для достижения этих целей можно начать жить сообразно с своей совестью. Нарочно начать жить сообразно с своей совестью для достижения каких-либо внешних целей — нельзя.

Жить сообразно с своей совестью можно только вследствие твердых и ясных религиозных убеждений. Когда же есть твердые и ясные религиозные убеждения, то благие последствия от них во внешней жизни придут неизбежно. А потому сущность того, что я хотел сказать вам, состоит в том, что невыгодно хорошим, искренним людям тратить силы ума и души на достижение мелких, практических целей, как разные борьбы народности, партий, либеральных вымогательств, когда не установлено ясное и твердое религиозное мировоззрение, т. е. сознание смысла своей жизни и своего назначения. Я думаю, что все силы души и разума хороших людей, желающих служить людям, должны быть направлены на это. А когда это будет, то будет и всё остальное.

Не убий, 1910. Том 90 ПСС

«Не убий». Но как можно не убивать, когда убийство может быть необходимо для спасения не только своей жизни, но и жизни других, близких, да и вообще людей? Мало этого, как же можно не убивать не только злобных зверей, но и мирных животных, если смерть их необходима для поддержания жизни людей? Но мало и этого, разве есть возможность не убивать змей, крыс, мышей, всяких гадов, насекомых? Мы шага не можем ступить, не уничтожая жизни существ. И потому безубойное питание есть ни на чем не основанная фантазия.

Так говорят очень часто, но, удивительное дело, ничто лучше этих доводов не показывает справедливость и нравственную обязательность заповеди: не убий, как именно это рассуждение. Совершенно справедливо, что может быть трудно воздержаться от убийства ради защиты или прокормления, справедливо и то, что трудно воздержаться от убийства гадов и совсем невозможно удержаться от уничтожения жизни насекомых. Всё это справедливо, но дело в том, что цель всякой нравственной деятельности состоит никак не в достижении *полного совершенства*, а в *совершенствовании*, т. е. во всё большем и большем приближении к совершенству. Полное совершенство есть свойство только бога, свойство же человека есть только приближение к совершенству. И потому рассуждение о том, что если мы никогда не можем быть свободными от убийства, то и заповедь: не убий, не может быть нравственным руководством, — такое рассуждение есть или обман, или грубое заблуждение. Как во всякой нравственной деятельности, так и в следовании заповеди: не убий, дело не в достижении полного совершенства, а только в том, чтобы как можно больше приближаться к нему: как можно меньше убивать всяких живых существ, очевидно прежде всего людей, потом более близких, потом менее близких человеку существ, вызывающих в нас живое чувство сострадания, а потом и насекомых, и даже растения.

Чем дальше уйдет человек по этой лестнице¹ сочувствия к другим существам, тем лучше и другим существам и самому человеку.

Лев Толстой.

Ясная Поляна. 1910, 17 января.

Бессмысленные мечтания, 1895. Том 31

17 января нынешнего 1895 г. русские представители дворянства и земства всех 70 с чем—то губерний и областей России собрались в Петербурге для поздравления нового, вступившего на место своего умершего отца, молодого русского императора.

За несколько месяцев до выезда представителей во всех губерниях России в продолжение нескольких месяцев шли усиленные работы приготовлений для этого поздравления: собирались экстренные собрания, предлагали, избирали, интриговали; придумывали форму верноподданнических адресов, спорили, придумывали подарки для подношения, опять спорили, собирали деньги, заказывали, избирали счастливых, которые должны были ехать и иметь счастье лично передать адреса и подарки; и, наконец, люди ехали иногда по несколько тысяч верст со всех концов России с подарками, новыми мундирами, заготовленными речами и радостными ожиданиями увидеть царя, царицу и говорить с ними.

И вот все приехали, собрались, доложились, явились к министрам тому и другому, подверглись всем мытарствам, через которые проводили их, наконец дождались торжественного дня и явились во дворец с своими подарками. Разные курьеры, гофмейстеры, фурьеры, церемониймейстеры, камер—лакеи, адъютанты и т. п. захватили их, водили, проводили, устанавливали, и, наконец, наступила торжественная минута, и все эти сотни, большей частью старые, семейные, седые, почитаемые в своей среде люди замерли в ожидании.

И вот отворилась дверь, вошел маленький, молодой человек в мундире и начал говорить, глядя в шапку, которую он держал перед собой и в которой у него была написана та речь, которую он хотел сказать. Речь заключалась в следующем:

«Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств¹. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель».

Когда молодой царь дошел до того места речи, в котором он хотел выразить мысль о том, что он желает делать всё по-своему и не хочет, чтобы никто не только не руководил им, но даже не давал советов, чувствуя, вероятно, в глубине души, что и мысль эта дурная и что форма, в которой она выражена, неприлична, он смешался и, чтобы скрыть свой конфуз, стал кричать визгливым, озлобленным голосом.

Что же такое было? За что такое оскорбление всех этих добродушных людей?

¹ В рукописи далее написано: (Вписать речь). Воспроизводим эту речь по тексту газеты «Утро России» от 1 июня 1917 г. (№ 134).

А было то, что в нескольких губерниях: Тверской, главное Тверской, Тульской, Уфимской, еще какой-то земцы в своих адресах, исполненных всякой бессмысленной лжи и лести, намекали в самых темных и неопределенных словах о том, что хорошо бы земству быть тем, чем оно по своему смыслу должно быть и для чего оно было учреждено, т. е. чтобы иметь право доводить до сведения царя о своих нуждах. На эти-то намеки старых, умных, опытных людей, желавших сделать для царя возможным какое-нибудь разумное управление государством, потому что, не зная, как живут люди, что им нужно, нельзя управлять людьми, — на эти-то слова молодой царь, ничего не понимающий ни в управлении, ни в жизни, ответил, что это — бессмысленные мечтания.

Когда речь кончилась, наступило молчание. Но придворные прервали его криками «ура», и почти все присутствующие закричали тоже «ура».

После этого все представители поехали в собор и там служили молебен благодарственный. Некоторые из бывших тут говорят, что они не кричали «ура» и не ездили в собор; но если и были таковые, то их было мало, и не кричавшие «ура» и не ездившие в собор не заявили этого публично; так что не несправедливо сказать, что все или огромное большинство представителей радостно приветствовали ругательную речь царя и ездили в собор служить благодарственный молебен за то, что царь удостоил их за их поздравления и подарки назвать глупыми мальчишками.

Прошло 4 месяца, и ни царь не нашел нужным отречься от своих слов, ни общество не выразило своего осуждения его поступка (кроме одного *анонимного* письма). И как будто всеми решено, что так и должно быть. И депутации продолжают ездить и подличать, и царь так же принимает их подлости, как должное.

Мало того, что всё вошло в прежнее положение, всё вступило в положение гораздо худшее, чем прежде. Необдуманый, дерзкий, мальчишеский поступок молодого царя стал совершившимся фактом; общество, всё русское общество проглотило оскорбление, и оскорбивший получил право думать (если он и не думает, то чувствует), что общество этого самого и стоит, что так и надо с ним обращаться, и теперь он может попробовать еще высшую меру дерзости и оскорбления и унижения общества.

Эпизод 17-го января был одним из тех моментов, когда две стороны, вступающие в борьбу между собою, примеряются друг к другу, и между ними устанавливаются новые отношения.

Сильный рабочий человек встречает в дверях слабого мальчишку, барчука. Каждый имеет такое же право пройти первым, но вот нахальный мальчишка, барчук, отталкивает в грудь входящего рабочего и дерзко кричит: «Долой с дороги, дрянь этакая!»

Момент этот решающий: ответит ли рабочий спокойно руку мальчика, пройдет впереди его и тихо скажет: «Нехорошо так, миленькой, делать, я постарше тебе, и ты вперед так не делай». Или покорится, уступит дорогу и снимет шапку и извинится.

От этого момента зависят дальнейшие отношения этих людей и нравственное душевное состояние их. В первом случае мальчик опомнится, станет умнее и

добрее, а рабочий свободнее и мужественнее; во втором случае нахальный мальчик сделается еще нахальнее и рабочий еще покорнее.

То же столкновение произошло между русским обществом и царем, и благодаря своей необдуманности молодой царь сделал ход, оказавшийся очень выгодным для него и невыгодным для русского общества. Русское общество проглотило оскорбление, и столкновение разрешилось в пользу царя. Теперь он должен стать еще дерзновеннее и будет совершенно прав, если он еще больше будет презирать русское общество; русское же общество, сделав этот шаг, неизбежно сделает и следующие шаги в том же направлении и станет еще покорнее и подлее. Так оно и сделалось. Прошло 4 месяца, и не только не появилось протеста, но все с великим усердием готовятся к приему царя в Москве, к коронации и новым подаркам икон и всяких глупостей, и в газетах восхваляли мужество царя, отстоявшего святыню русского народа — самодержавие. Нашелся даже такой сочинитель, который упрекает царя за то, что он слишком мягко отозвался на неслыханную дерзость людей, решившихся намекнуть на то, что для того, чтобы управлять людьми, надо знать, как они живут и что им нужно; и что надо было сказать: не «бесмысленные мечтания», а надо было разразиться громом на тех, которые посмели посягнуть на самодержавие — святыню русского народа.

В газетах иностранных («Times», «Daily News» и др.) были статьи о том, что для всякого другого народа, кроме русского, такая речь государя была бы оскорбительна, но нам, англичанам, судить об этом с своей точки зрения нельзя: русские любят это и им нужно это.

Прошло 4 месяца, и в известных, так называемых высших кругах русского общества установилось мнение, что молодой царь поступил прекрасно, так, как должно было поступить. «Молодец Ники, — говорят про него его бесчисленные² кузены, — молодец Ники, так их и надо».

И течение жизни и управление пошло не только по-старому, но хуже, чем по-старому: те же бессмысленные жестокие гонения евреев, сектантов; те же ссылки без суда; те же отнятия детей у родителей; те же виселицы, каторги, казни; та же нелепая до комизма цензура, запрещающая всё, что вздумается цензору или его начальнику; те же одурение и развращение народа.

Положение дел ведь такое: существует огромное государство с населением свыше 100 миллионов людей, и государство это управляемо одним человеком. И человек этот назначается случайно, не то что избирается из самых лучших и опытных людей наиболее опытный и способный управлять, а назначается тот, который прежде родился от того человека, который прежде управлял государством. А так как тот, который прежде управлял государством, тоже назначался случайно по первородству, точно так же, как и его предшественник, — и только родоначальник их всех был властителем, потому что достиг власти или избранием, или выдающимися дарованиями, или, как это бывало большей частью, тем, что не останавливался ни перед какими обманами и злодеяниями, — то выходит, что

² *Зачеркнуто:* праздношатающие[ся] двоюродные и троюродные

становится управителем 100-миллионного народа не человек, способный к этому, а внук и потомок того человека, который выдающимся способностями или злодеяниями, или и тем и другим вместе, как это чаще всего бывало, достиг власти, — хотя бы этот потомок не имел ни малейших способностей управлять, а был бы самым глупым и дрянным человеком. Положение это, если прямо посмотреть на него, представляется действительно бессмысленным мечтанием.

Ни один разумный человек не сядет в экипаж, если не знает, что кучер умеет править, и в поезд железной дороги, если машинист не умеет ездить, а только сын кучера или машиниста, который когда-то, по мнению некоторых, умел ездить; и тем менее не поедет в море на пароходе с капитаном, права которого на управление кораблем состоят только в том, что он — внучатный племянник человека, который когда-то управлял кораблем. Ни один разумный человек не вверит себя и свою семью в руки таких кучеров, машинистов, капитанов, а все мы живем в государстве, которое управляется, и неограниченно, такими сыновьями и внучатыми племянниками не только не хороших правителей, но на деле показавших свою неспособность к управлению людей.

Положение это действительно совершенно бессмысленно и может быть оправдываемо только тем, что было время, когда люди верили, что эти властители суть какие-то особенные, сверхъестественные или избранные богом помазанные существа, которым нельзя не повиноваться. Но в наше время, — когда никто уже не верит в сверхъестественное призвание этих людей к власти, никто не верит в святость помазания и наследственности, когда история уже показала людям, как свергали, прогоняли, казнили этих помазанников, — положение это не имеет никаких оправданий, кроме того, что если предполагать, что верховная власть необходима, то наследственность такой власти избавляет государство от интриг, смут, междоусобий даже, которые неизбежны при другом роде избрания верховного властителя, и что смуты и интриги обойдутся народу дороже и тяжелее, чем неспособность, развращенность, жестокость управителей по наследству, если неспособность их будет восполняться участием представителей народа, а развращенность и жестокость их будет держаться в пределах ограничениями, поставленными их власти.

И вот на желания этих-то самых — нераздельных с наследственностью власти — участия в делах правительства и ограничения власти (хотя эти желания и были скрыты под толстым слоем самой грубой лести), на эти-то желания молодой царь с решительностью и дерзостью ответил: «Не хочу, не позволю. Я сам».

Эпизод 17-го января напоминает то, что часто случается с детьми. Ребенок начинает делать какое-нибудь непосильное ему дело. Старшие хотят помочь ему, сделать за него то, что он не в силах сделать, но ребенок капризничает, кричит визгливым голосом: «Я сам, сам» — и начинает делать; и тогда, если никто не помогает ему, то очень скоро ребенок образумливается, потому что или обжигается, или падает в воду, или расшибает себе нос и начинает плакать. И такое предоставление ребенку делать самому то, что он хочет делать, бывает, если не опасно, то поучительно для него. Но беда в том, что при ребенке таком всегда бывают лстивые няньки,

прислужницы, которые водят руками ребенка и делают за него то, что он хочет сам сделать, и он радуется, воображая, что он сделал сам, — и сам не научается и другим часто делает вред.

То же бывает и с правителями. Если бы они действительно управляли сами, то управление их продолжалось бы недолго, они сейчас же бы наделали таких явных глупостей, что погубили бы других и себя, и царство их тотчас кончилось [бы], что и было бы очень полезно для всех. Но беда в том, что как у капризных детей есть няньки, делающие за них то, что они воображают сами делать, так у царей всегда есть такие няньки — министры, начальники, дорожащие своими местами и властью, и знающие, что они пользуются ими только до тех пор, пока царь считается неограниченным.

Считается и предполагается, что правит делами государства царь; но ведь это только считается и предполагается: править делами государства один царь не может, потому что дела эти слишком сложны, он может только сделать всё то, что ему вздумается по отношению тех дел, которые дойдут до него, и может назначать себе помощниками тех, кого ему вздумается; а править делами он не может потому, что это совершенно невозможно для одного человека. Правят действительно: министры, члены разных советов, директора и всякого рода начальники. Попадают же в эти министры и начальники люди никак не по достоинствам, а по проискам, интригам, большей частью женским, по связям, родству, угодливости и случайности. Лстецы и лгуны, пишущие статьи о святине самодержавия, о том, что эта форма (форма самая древняя, бывшая у всех народов) есть особенное священное достояние русского народа, и что править народом царь должен неограниченно, но, к сожалению, никто из них не объясняет, как должно действовать самодержавие, как именно должен и может править царь сам, один своим народом. В прежнее время, когда славянофилы проповедывали самодержавие, то они проповедывали его нераздельно с земским собором, и тогда, как ни наивны были мечтания славянофилов (сделавших много зла), понятно было, как должен был управлять самодержавный царь, узнававший от соборов нужды и волю народа. Но как может управлять теперь царь без соборов? Как коканский хан? Да это нельзя, потому что в коканском ханстве все дела можно было рассмотреть в одно утро, а в России в наше время для того, чтобы управлять государством, нужны десять тысяч ежедневных решений. Кто же поставляет эти решения? Чиновники. Кто же эти чиновники? Это люди, для достижения своих личных целей пролезающие во власть и руководимые только тем, чтобы им получать побольше денег. В последнее время люди эти до такой степени у нас в России пали в нравственном и умственном значении, что если они прямо не воруют как воровали те, которых обличили и прогнали, — они даже не умеют притвориться, что преследуют какие-нибудь общие государственные интересы, они только стараются как можно дольше получать свои жалованья, квартирные, разъездные. Так что управляет государством не самодержавная власть, — какое-то особенное, священное лицо, мудрое, неподкупное, почитаемое народом, — а управляет в действительности стая жадных, пронырливых, безнравственных чиновников, пристроившихся к молодому, ничего не понимающему и не могущему понимать молодому мальчику, которому наговорили,

что он может прекрасно управлять *сам один*. И он смело отклоняет всякое участие в управлении представителей народа и говорит: «Нет, я сам».

Так что выходит, что управляемы мы не только не волей народа, не только не самодержавным царем, стоящим выше всех интриг и личных желаний, как хотят представить нам царя настоящие славянофилы, — но управляемы мы несколькими десятками самых безнравственных, хитрых, корыстных людей, не имеющих за себя ни, как прежде, родовитости, ни даже образования и ума, как тому свидетельствуют разные Дурново, Кривошеины, Деляновы и т. п., а управляемы теми, которые одарены теми способностями посредственности и низости, при которых только, как это верно определил Бомарше, можно достигнуть высших мест власти: *Mediocre et rampant, et on parvient, à tout.*³ Можно подчиняться и повиноваться одному человеку, поставленному своим рождением в особенное положение, но оскорбительно и унижительно повиноваться и подчиняться людям, нашим сверстникам, на наших глазах разными подлостями и гадостями вылезшим на высшие места и захватившим власть. Можно было скрепя сердце подчиняться Иоанну Грозному и Петру Третьему, но подчиняться и исполнять волю Малюты Скуратова и немецких капралов, любимцев Петра III — обидно.

В делах, нарушающих⁴ волю бога, — в делах, противных этой воле, я не могу подчиняться и повиноваться никому; но в делах, не нарушающих волю бога, я готов подчиняться и повиноваться царю, какой бы он ни был. Он не сам стал на свое место. Его поставили на это место законы страны, составленные или одобренные нашими предками. Но зачем же я буду подчиняться людям, заведомо подлым или глупым, или то и другое вместе, которые 30-летней подлостью пролезли во власть и предписывают мне законы и образ действий?

Мне говорят, что по высочайшему повелению мне предписано [не] издавать таких—то сочинений, не собираться на молитву, не учить моих детей, как я считаю хорошим, а по таким—то началам и книгам, которые опред[еляет] г-н Победоносцов; мне говорят, что по высочайшему повелению я должен отдавать подати на постройку броненосцев, должен отдать своих детей или имение тому и тому—то, или самому перестать жить, где я хочу, а жить в назначенном мне месте. Всё это еще можно бы было перенести, если бы это точно было повеление царя; но ведь я знаю, что высочайшее повеление тут только слова, что делается это вовсе не тем царем, который номинально управляет нами, а делается это г-ном Победоносцовым, Рихтером, Муравьевым и т. п., которых прошедшее я знаю давно, и так знаю, что я не желаю иметь с ними ничего общего. И этим-то людям я должен повиноваться и отдать им всё, что есть у меня дорогого в жизни.

Но и это бы можно было перенести, если бы дело шло только об унижении своем. Но, к сожалению, дело не в одном этом. Царствовать и управлять народом нельзя без того, чтобы не развращать, не одурять народ и не развращать и не одурять его тем в большей степени, чем несовершеннее образ правления, чем меньше

³ [Будь посредственным и раболепным и достигнешь всего.]

⁴ В рукописи: не нарушающих

управители выражают собою волю народа. А так как у нас самое бессмысленное и далекое от выражения воли народа правление, то при нашем управлении необходимо самое большое напряжение деятельности для одурения и развращения народа. И вот это одурение и развращение народа, совершающееся в таких огромных размерах в России, и не должны переносить люди, видящие средства этого одурения и развращения и последствия его.

Пора понять, 1909. Том 38 ПСС

16 сентября 1909 г. Лев Николаевич начал писать статью «Пора понять». Толчком к написанию этой статьи послужил проезд Николая II в Ливадию, в связи с которым была введена усиленная охрана пути. В Дневнике под 16 сентября записано: «Дома попытался писать о том, что нельзя не быть анархистом, и не пошло». Первоначальное заглавие этой статьи и было — «Анархизм». Как видно и по Дневнику, и по датам рукописей, работа над статьёй продолжалась весь сентябрь и была окончена 4 октября 1909 г. Заглавие статьи в ходе работы менялось: вместо «Анархизм» было сначала поставлено — «Освобождение», потом — «Чингиз-Хан с телеграфами» и наконец — «Пора понять». Заглавие «Пора понять» явилось только при самой последней обработке статьи — 6 декабря 1909 г. (см. рукопись № 7 от 6 декабря). Примечательно, что оно вписано явно не Толстым, не его почерком...

*

«Государство, основанное на расчёте и скреплённое страхом, представляет из себя сооружение и гадкое, и непрочное», говорит где-то Амиель. С этим нельзя не согласиться вообще и можно это понимать разумом, но кроме этого понимания можно ещё испытывать всем существом своим чувство отвращения и ужаса перед таким сооружением, когда живёшь в нём, и вся гадость и непрочность этого сооружения ничем не прикрыта. И это-то самое чувство испытывается теперь в России огромным большинством 150-ти миллионного народа.

Хорошо, когда гадость и непрочность этого сооружения искусно скрыта от людей сложными, укоренившимися в поколениях людей, хитрыми софизмами, главное, когда люди так заплетены, захвачены в это сооружение своими личными расчётами тщеславия, корысти, что они не видят, уже не хотят, не могут видеть всего безумия, несправедливости, жестокости этого сооружения и, коснея в своём рабстве, воображают, что все приспособления этого сооружения: суды, полиция, войска, министерства, главное парламенты, суть необходимые и благотельные учреждения, обеспечивающие их безопасность и свободу. Такие люди искренно верят, что они настолько свободны, насколько люди могут быть свободны, и что те учреждения, которые держат их в рабстве, неизбежные условия жизни всех людей, и что если нужно в них изменять что-либо, то только некоторые подробности, в общем же всё так, как и должно быть и не может быть иначе. Так думают и могут думать англичане, американцы, французы, немцы, но мы русские, к несчастью, или скорее к счастью, в особенности в настоящее время, как ни старались, не можем думать и чувствовать так. Мы русские теперь в огромном большинстве своём, всем существом своим сознаём и чувствуем, что всё то государственное устройство, которое держит, угнетает и развращает нас, не только не нужно нам, но есть нечто враждебное, отвратительное и совершенно лишнее и ни на что не нужное. Для всякого теперь в России не только мало-мальски мыслящего человека, но для самого малодумающего, безграмотного человека совершенно ясно, что кроме всех обычных бед, нарушающих спокойную жизнь человека, он непрестанно испытывает лишения и страдания, причина которых одна — деятельность правительства, котор[ое] с самых разных сторон с неумолимой грубостью и жестокостью, без всякой надобности, не переставая, мучает и давит его, если только он сам не поступает в число тех некоторых людей, которые давят всех. С одной стороны

русский человек нашего времени особенно живо чувствует это давление потому, что правительство, не встречая более препятствий, с полной бесцеремонностью и наглостью давит, душит, убивает, запирает, ссылает всех, дерзающих не то что противиться, но поднимать против него протестующий голос; с другой же стороны, особенно живо чувствуют русские люди жестокость, грубость и безудержный деспотизм правительства ещё и потому, что в последнее время, поняв возможность более свободной, чем прежняя, жизни, русские люди сознали, хотя отчасти, себя разумными существами, имеющими право руководиться, каждое, в своей жизни своим разумом и совестью, а не волею случайно попавшего на место властвующего того или другого неизвестного ему человека. Насколько становилась жесточе, грубее и бесконтрольнее власть правительства, настолько усиливалось и уяснялось в народе сознание безумия, невозможности продолжения такого состояния. И оба явления: и безудержный деспотизм власти, и сознание незаконности этой власти, усиливаясь с каждым днём и часом, дошли в последнее время до высшей степени. Но несмотря на ясность сознания большинством народа ненужности и зловредности правительства, народ не может освободиться от него силою вследствие тех практических приспособлений: железных дорог, телеграфов, скоропечатных машин и др., владея которыми правительство может всегда подавлять всякие попытки освобождения, делаемые народом. Так что в настоящее время русское правительство находится вполне в том положении, о котором с ужасом говорил Герцен. Оно теперь тот самый Чингис Хан с телеграфами, возможность которого так ужасала его. И Чингис Хан не только с телеграфами, но с конституцией, с двумя палатами, прессой, политическими партиями et tout le tremblement [фр. и со всем шумом].

— «Деспотизм! Помилуйте, какой же деспотизм, когда у нас две палаты, блоки, партии, фракции, запросы, президиум, премьер, кулуары, — всё, как должно. Какой же деспотизм, когда есть и Хомяков и Маклаков, и ответственный министр. Есть свод законов, и суды и гражданские, и уголовные, и военные, есть цензура, есть церковь, митрополиты, архиереи, есть академии, университеты. Какой же деспотизм?» То, что всё это есть только подобие того подобия, которым в Европе обманывают людей и в России уже никого — кроме участников — не обманывает в настоящую минуту, не важно для Чингис Хана, так как у него есть другие средства. И он продолжает спокойно делать своё дело, надеясь, что, как это произошло и происходит во всех, так называемых, христианских странах, народ привыкнет, сам втянется и запутается в эти дела, и Чингис Хан останется Чингис Ханом — только не с ордой диких убийц, а с благовоспитанными, учтивыми, чистоплотными убийцами, которые так сумеют устроить разделение труда, что грабёж и убийство людей будет одно удовольствие и доступно самому утонченно чувствительному человеку. Так смертоубийства, называемые казнями, совершаются не просто, а перед каждым таким убийством сходятся человек 5 в мундирах, садятся на креслы и на столе, покрытом сукном, что-то едят и говорят, и хотя они знают, что их разговор не изменяет судьбы того, кого хотят повесить, они делают вид, что они судят и приговаривают. И с этой процедурой убивают от 3 до 7 человек в день. (Нынче, 25 ноября, было 12 явных опубликованных приготовлений к убийствам (приговоров) и 5 убийств.) И это в продолжение 4, 5 лет

или больше. Дамы говорят: «C'est terrible. Je ne puis jamais lire sans frémir.—» [«Это ужасно. Я не могу читать без содрогания.»] Мужчины с свойственным мужескому полу мужеством и разумностью внушают дамам, что это необходимо для общего блага. В газетах ужасаются на эти продолжающиеся казни. Важные чиновники и члены Думы, заявляя свою либеральность, говорят, что пора бы окончить эту boucherie, [бойню] но заведующие этой boucherie улыбаются на эту сантиментальность. Они знают, как это неизбежно, необходимо и благотельно. Погодите, говорят они, придёт время и мы перестанем. Но им незачем переставать. Всё идёт прекрасно и очень может быть, что идёт всё так прекрасно только благодаря этим «разумным» мерам. Так зачем же отказываться от них? Так насчёт убийств, совершаемых властями.

То же и по отношению к заключению в тюрьмах. Тюрьмы переполнены, недостаёт места. Мрут от чахотки, тифов, бегут, бунтуются, убивают самих себя, но власти знают, что это полезно, по крайней мере уж наверно не вредно, и тоже с известными, приличными делу, сопутствующими разговорами и писаниями сажая всё новых и новых узников. Виноваты они или невиноваты, это всё равно. Всё лучше изъять из жизни человека, от которого может произойти что-нибудь неприятное. То, что он посидит года два в тюрьме или умрёт там, вреда для нас не будет, а не посади его — может быть, он и в самом деле виновен. Всегда лучше перекланяться, чем недокланяться. По тюрьмам, построенным на 70 000, больше ста тысяч человек. Но и этого мало. Чуть есть указания или кому-нибудь покажется, что есть указания на то, что человек может думать и высказывать то, что думает о действиях правительства, его схватывают, сажая в тюрьму и даже без всяких приличествующих делу процедур везут в самые далёкие, дурные для жизни места и там бросают с запрещением уходить оттуда. Хотя и трудно понять, для чего это нужно Чингис Хану, но очевидно нужно, потому что он старательно делает это, даже тратя большие деньги на эти ссылки. Таких несчастных тоже около сотни тысяч. Люди эти озлобляются, передают своё озлобление тем мирным людям, которые до их появления не думали о правительстве, но Чингис Хану до этого дела нет, у него есть телеграфы, телефоны, скорострельные пушки, револьверы и он не интересуется тем, что думают и чувствуют мучимые им люди. Но это далеко не всё. Самое важное продолжает делаться дома в столицах, больших городах, в печати и, главное, в школах от высших до низших. Запрещается всё, что только может открыть глаза людям, поощряется всё то, что может затемнить, ослепить людей в печати, в школах и, главное, в религии.

Казалось бы, нельзя соединить всё, что творилось и творится, с исповеданием религии, называемой христианской, ещё менее оправдать все эти злодейства этой христианской религией, но существует целое сословие людей, которое занято одним этим делом: таким извращением христианства, при котором всевозможные преступления, грабёж (подати, земельная собственность), истязания, даже убийства, казни, войны считались свойственными христианам делами. И кажущееся невозможным дело совершается. Совершается то, что вера в учение Христа заменяется кощунственной верой в то, что Христос Бог делатель самых странных и ненужных чудес и что, веруя в этого Христа, надо верить и в чудеса, происходящие

от воображаемой царицы небесной, от мощей, икон и т. п. Всё это передаётся как священные истины и рядом с этим, как столь же священная истина, внушается и рабское подчинение Чингис Хану. Совершается этот ужасный обман над взрослыми и с особенным рвением и упорством и наглостью над подрастающим поколением под видом обучения заведомой лжи, называемой законом Божиим. На каждом экзамене закона Божия — а через такие экзамены проходят все дети — происходит следующее:

Священник. Дозволено ли убийство по христианскому закону?

Ученик. Нет.

Св. Всегда не дозволено?

Уч. Нет, не всегда.

Св. Когда же оно дозволено?

Уч. Дозволено в случае наказания за преступление и для защиты отечества.

И это всегда на всех экзаменах. И нет ни одного русского грамотного человека во всей империи, который бы в том возрасте, когда он ещё не может рассуждать, не прошёл бы через эту клевету на Бога, на Христа, на разум человеческий. И Чингис Хан, как представитель просвещённого правительства, даёт награбленные с народа деньги на народные школы, долженствующие распространять такое Чингис-ханское просвещение.

Так телесно и духовно угнетался и угнетается русский народ Чингис Ханом с телеграфами и Чингис Хан был спокоен и надеялся, что теперь, когда есть конституция, и Хомяков, и Маклаков, и президиумы, и правые, и левые, и середина, и Гучков, и духовенство, и союзы русского народа, и пресса, и школы, и что, если не жалеть награбленных денег на шпионов и на тюрьмы, суды, виселицы для взрослых, и на преподавание, распространение и поддержание клеветы на христианские учения в виде гнусного обмана под названием Закона Божия для детей, то всё будет итти по-старому, и различие Чингис Хана с телеграфами от прежнего будет только в том, что новый Чингис Хан будет ещё могущественнее старого. — Но к несчастью Чингис Хана и к счастью русского народа Чингис Хан ошибся. От того ли, что слишком глупы и грубы были слуги нового Чингис Хана и их дела, от того ли, что в своих насилиях они перешли тот предел, дальше которого люди не могут переносить порабощение их и издевательства над их разумом, от того ли, что железные дороги, телеграфы, пресса и всё то, что, с одной стороны, даёт могущественное орудие в руки Чингис Хана, с другой стороны соединяет людей в одном и том же сознании, от того ли, что русскому народу, большинству его, настоящему народу, крестьянскому народу, не развращённому ещё школами, свойственно понимание христианского учения в его истинном значении, признающем равенство и братство людей, не допускающее не только убийство, но и насилие друг над другом, от того ли или от другого или ещё чего, но несомненно одно то, что в настоящее время русский народ, настоящий русский народ, вследствие совершённых и совершаемых над ним преступлений, потерял не только уважение к своему правительству, но и веру в необходимость какого бы то ни было правительства и не может уже быть принужден

повиноваться существующему правительству и участвовать в мерзких делах его. Недавний проезд Царя со всеми сопутствующими ему отвратительными подробностями был, как мне кажется, тем толчком, который при переохлаждённой жидкости мгновенно превращает жидкое тело в твёрдое.

Этот проезд везде, где он происходил, вызвал одно и то [же] чувство сознания очевидной ненужности, а потому и вредоносности Царя и всех его помощников.

Едет Царь, тот человек, который стоит во главе правительства, человек, о котором предполагается, что он признаётся всем народом своим владыкой, что он тот человек, который своей властью может облагодетельствовать и отдельные лица, и общества людей, и целые сословия, что это лицо священное для всех людей русского народа. Кроме того предполагается, что этому человеку для себя ничего не нужно и что он стоит выше всяких желаний и страхов. Казалось бы, к такому лицу, как это и было прежде, во времена Николая первого, может быть только одно чувство, желание видеть, желание просить тех или иных благодеяний, желание выражения своей благоговейной преданности и любви, и роль всех, окружающих царя, только одна — удерживать в пределах порядка восторженную толпу, стремящуюся к этому предмету своего благоговейного поклонения. Так это должно быть, так это и было когда-то.

И что же теперь? Едет Царь с своими помощниками, приближенными ему людьми, исполнителями его воли — и все они, зная, что в народе, над которым они властвуют и среди которого им нужно проехать, живут тысячи, десятки тысяч людей, ненавидящих и царя и их и всячески старающихся убить их, люди эти, в ограждение Царя и себя от этой ненависти, устраивают на всём протяжении тех мест, по которым они проезжают, тройные, четверные ряды тайных и явных охранителей. Едет Царь по своему царству, и три линии солдат, полиции, наряженных и бесплатно оторванных от своих работ крестьян, стоят день, два, неделю, другую, ругая виновника их положения, ожидая проезда. День проезда умышленно не определяется для того, чтобы желающие убить царя не могли бы знать, когда он проедет. Для этой же цели едет не один царский поезд, а несколько, так что никто не может знать, какой настоящий. И вот, наконец, украдкой, как беглец и преступник, пролетает этот человек между трёх рядов охраны и никто не видит его кроме для приличия представляющихся ему в городах, где он останавливается, чиновников и важных лиц при тех же предосторожностях, охраняющих Его от покушений на его жизнь, которых всегда и везде не могут не бояться.

Ведь предполагается, что молчаливым согласием народ признаёт необходимость и благодетельность царской власти. Если же оказывается, что эта царская власть поставила себя в такое отношение к народу, что не смеет уж показаться ему, а прячется от него и пробегает мимо него, как вор от тех, кого он обворовал, так зачем же эта власть? Если положение власти поддерживается уже не признанием народом её необходимости, а насилием, ружьями и шашками, а сама власть прячется от народа? Вот это-то становилось всё более и более ясно и теперь стало уже совершенно ясно огромному большинству народа.

На что же царь, коли он прячется? А если прячется, то верно не даром, а значит чувствует, что ему нельзя не прятаться после того, что он делает и делал. Так думает огромное большинство. Не говоря уже о всех заключённых, сосланных, из которых большая доля невинных, а их десятки тысяч, и у всех их так же, как и у всех убитых, есть отцы, матери, братья, сёстры, жёны, друзья, которые не могут не ненавидеть виновника и виновников их горя. Но не говоря об этих сотнях, тысячах людей, имеющих такие естественные причины для ненависти к Царю и его помощникам, главная масса народа, крестьяне, все крестьяне, за исключением малого числа загипнотизированных людей, все крестьяне, доведённые теперь лишением земли до положения худшего, чем то, в котором они были при крепостном праве 50 лет тому назад, крестьяне, ожидавшие освобождения от того земельного рабства, худшего теперь, чем рабство крепостное, не могут не смотреть на Царя, виновника этой сознанный ими несправедливости, с такими же самыми недобрыми, враждебными чувствами, как и те, которые питают к Царю и его помощникам все десятки или сотни тысяч непосредственно пострадавших и страдающих от их жестокости. Крестьяне знают, что все попытки освобождения их от земельного рабства, все всегда разбивались об закоснелость царского правительства, которое, в насмешку над их законными требованиями, дало им закон 9 ноября, вносящий только ещё новое зло в их отчаянное положение. И потому нельзя Царю и его помощникам не бояться и ненавидящих правительство крестьян, не бояться их доходящего до ненависти раздражения за неуслышание их страданий и за неисправление той возмутительной неправды, от которой они страдают.

Правда, есть у несчастного Чингис Хана люди, которые уверяют его в преданности к нему всего народа, в твёрдости той веры в Бога и рядом в Царя, которая когда-то была в народе. Но к несчастью люди эти, сами не веря тому, в чём они уверяют Царя, своей наглой ложью только отводят ему глаза от его действительного положения. Так что, веря им, несчастный Чингис Хан, продолжая свою грубую деятельность, этой самой деятельностью насилия и разрушает в конец последние основы, на которых могла бы держаться его власть.

Сознание ненужной, бессмысленной и вредной царской власти стало теперь более или менее очевидно, ясно огромному большинству народа. Трудно предвидеть, какие будут последствия этого сознания, но последствия эти, и непременно губительные для правительства, не могут не быть. Может быть, как это ни мало вероятно, но всё-таки может быть — то, что власть, пользуясь всеми внешними материальными средствами, которыми она обладает, продержится ещё некоторое время. Может быть и то, что опять вспыхнет революция, которая опять будет задавлена, так как средства борющихся слишком неравномерны. Но в обоих случаях неизбежно будет то, что сознание ненужности и преступности правительства будет делаться все яснее и яснее людям русского народа и сделается, наконец, то, что огромное большинство людей не будет уже в состоянии, не в виду каких-либо внешних целей, а только потому, что это будет явно и мучительно их нравственному сознанию, не будет уже в состоянии повиноваться правительству и исполнять те его безнравственные требования, которыми оно держится. А как только это будет, как только будет ясно каждому человеку, что то, что называется правительством, есть

только соединение людей, отстаивающих своё положение рядом непрерывающих преступлений, так неизбежно прекратится и повиновение такой власти, и то участие в деятельности правительства, которое одно поддерживает его.

«От меня требуют участия в делах правительства, — скажет себе освободившийся от правительственного обмана человек (а освобождение это совершается теперь в тысячах и тысячах людей»), — требуют от меня участия в уплате податей и взимания их, предлагают мне участие в делах административных, судебных, педагогических, полицейских, требуют моего участия в военной службе, но зачем же я буду делать всё это, когда я знаю, что все эти дела лишают меня и моего достоинства, и моей свободы, главное же делают меня участником в делах противных и здравому смыслу и требованиям самой первобытной нравственности». Так что для людей, понявших то, что повиновением власти они сами поработают себя, лишая себя самых первых и духовных благ, отношение к власти может быть только одно, такое, при котором человек на все предъявляемые к нему требования правительства всегда отвечает только одно: «Со мной, — отвечает такой человек, — можете, пока сила в ваших руках, делать, что хотите, запирать, ссылать, казнить. Я знаю, что не могу противиться вам и не буду, но знаю и то, что не могу и не буду также и участвовать во всех дурных делах ваших, чем бы вы ни оправдывали, ни прикрывали их и чем бы ни угрожали мне».

Такое отношение к тому, что называется русским правительством, уже живёт теперь в сознании большинства русских людей, а продолжись ещё некоторое время безумная, бесчеловечная и грубо жестокая деятельность этого правительства, и то, что теперь только в сознании, неизбежно перейдёт и в дело. А перейдёт сознание в дело, т.-е. перестанут большинство людей, повинаясь правительству, участвовать в его преступлениях, и само собой без борьбы падёт то ужасное, отжившее русское правительственное устройство, существование которого уже давно не соответствует нравственным требованиям людей нашего мира.

6 декабря 1909

